

Лис Арден

Алмаз темной крови

Книга 1. Танцующая
судьба

Лис Арден

**Алмаз темной крови.
Книга 1. Танцующая судьба**

«Издательские решения»

2015

Арден Л.

Алмаз темной крови. Книга 1. Танцующая судьба / Л. Арден — «Издательские решения», 2015

Три книги — «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» — предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира. Бродячие артисты, корабельные крысы, танцовщица, ставшая хозяйкой опасного артефакта, маг-подмастерье — жизнь играет ими, как ветер листьями. Не так просто быть героем истории, испытания найдутся для каждого, а вот награда не сразу дается даже достойному.

© Арден Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая. В гостях у Черного Лиса	9
Глава вторая. Дети Лимпэнг-Танга	23
Глава третья. «Стойка и пауза» – и еще пять правил школы Нимы	31
Глава четвертая. Дети Лимпэнг-Танга (продолжение)	42
Глава пятая. Подарочек	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алмаз темной крови

Книга 1. Танцующая судьба

Лис Арден

© Лис Арден, 2015

© Kii Ouraha, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Три книги – «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» – предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира. Первая книга – это первое знакомство с Обитаемым Миром: уютным, замкнутым на себе, похожим на осколок когда-то огромного, настоящего мира. Неправдоподобно маленькие государства, невеликие расстояния, да и богов – раз-два, и обчелся. Все положенные этому миру войны откипели, населяющие его народы поделили земли и зажили спокойно и беспечно, как в заповеднике. Однако все может изменить опасный артефакт, попавший в руки девушки с цветочным именем, обученной в храмовой школе танцев. И труппа бродячих артистов, принадлежащая одному из богов, окажется в силе противостоять напастям, неподвластным обычным людям. И, безусловно, свое не последнее слово скажет любовь.

Пролог

По лестнице высокой каменной террасы, уходящей куда-то далеко вниз, к самому океану, со всех ног бежал мальчишка – легкий, звонкий как птичья трель, беловолосый и сероглазый северянин, одетый в простые полотняные штаны и рубаху-безрукавку. На террасе, сидя за каменным, вросшим в пол столом, его ждал мужчина – седой, средних лет, примечательный разве что полыхающими в глазах языками постоянно меняющего цвет пламени на том месте, где положено быть зрачкам. Перед ним был расстелен вышитый трехцветным золотом игровой плат, стояла деревянная чаша для подаваний, отполированная не одним тысячелетием, лежал небольшой мешок, завязанный крепкой веревкой.

– Я не опоздал? – выдохнул мальчишка, с размаху садясь напротив мужчины.

– Ты как всегда на полчаса раньше, Судри, – усмехнулся тот.

– Пьющий Песок, а это... мама не будет сердиться? – Мальчик с некоторым сомнением посмотрел на принадлежности для игры. – Она не очень-то одобряет...

– Твоя мама и точные науки не одобряет, – согласно кивнул Пьющий Песок, – и в шахматы до сих пор как следует играть не научилась.

– Да ну? – изумился Судри. – А можно я сам расставляю фигуры?

– Нет. – Отрезал Пьющий Песок. Он осторожно развязал веревки у мешка, и, опустив полотняные края в деревянную чашу, высыпал его содержимое. Потом встал, взял обеими руками чашу и посмотрел на Судри:

– На что играем?

– На прошлое. – Мальчик поставил локти на стол, положил острый подбородок на переплетенные пальцы. – Давай.

И Пьющий Песок опрокинул чашу над игровым полем. С легким звоном из нее посыпались фигурки, уже в полете успевая выпрямиться, поудобнее перехватить меч или вскочить на коня. Они падали медленно, постепенно заполняя все поле, и оба игрока завороченно наблюдали за их падением.

– Твой ход, – Пьющий Песок протянул Судри пару старых, истертых игровых костей.

* * *

– А-а-апчхи!

Для молоденькой девушки она чихала чересчур громко и звонко; помнится, мама ее, еще когда была жива, в таких случаях всегда говорила: «Детка, ты хоть чуточку сдерживай себя, а то чих уж очень оглушительный получается, как будто ангел в серебряную трубу дунул». На что она неизменно отвечала: «Мамуля, если я буду сдерживаться, ангельских звуков уж точно не получится!» После чего они дружно смеялись.

– А-а-апчхи!

Она выполаскивала в воде холодной лесной речки свое белье и неосторожно ткнулась лицом в какое-то водяное растение с невероятно пахучей пыльцой. В носу немедленно засвербило, защекотало... она несколько раз судорожно втянула в себя воздух и...

– А-а-апчхи!!! – и чихнула, что называется, от всей души.

Он торопился. Хотелось поскорее оказаться под благословенной сенью леса, услышать дыхание листьев, почувствовать под пальцами шершавую кожу деревьев, омыть слух птичьими трелями... да и важные новости задерживать не стоило. Хотя он и принадлежал к Вольным Лесным Стражам, не подчиняющимся никому из официальных иерархов, сознание долга было в нем очень сильно. Как, впрочем, и в любом из эльфов. Он быстрым шагом пересек ред-

колесье, отметив про себя непонятный шум, доносившийся со стороны луга, примыкавшего к замковому саду, подошел к берегу Быстрицы – реки, протекавшей как раз по опушке пограничного леса. Она сильно разлилась в этом году, будет, пожалуй, не по колено, как всегда, а и по пояс. На тот берег вели несколько камней, выставивших из воды свои блестящие мокрые спины. Он привычным, легким движением шагнул на первый камень, так же легко перепрыгнул на второй, ступил на третий, как вдруг...

– А-а-апчхи!!! – так чихнуть могла разве что серьезно простуженная драконица. От неожиданности он вздрогнул, подошва его тонкого сапога предательски заскользила по мокрому камню и...

– Плюх!!! – он полетел в воду, некрасиво, неизящно, совсем уж по-дурацки дрыгнув ногами.

Почти сразу он нащупал дно, встал (воды оказалось действительно по пояс), протер глаза, откинул с лица мокрые волосы. И тут его острых (во всех отношениях) ушей достиг злорадный, звонкий хохот.

– Ха-ха... Ха-ха-ха-ха-ха!

Она смеялась, показывая неизвестно кому на него пальцем и почти что всхлипывая. Невысокая, коротко стриженная, с мальчишески легкой фигуркой, одетая в просторную полотняную рубаху и короткие, до колен, узкие штаны. Внезапно она хлопнула в ладоши, подбоченилась и запела на какой-то глумливый мотив видимо только что сочиненный куплет:

*Эльф-воитель через речку
Припустился во весь дух,
Но, узрев в кустах овечку,
В воду кверху пузом – плюх!*

Весьма довольная собой, она снова захохотала, прислонясь в изнеможении к стволу старой ивы. Продолжая смеяться, нахальная особа выкрикнула начало второго куплета:

*На ушах повисла тина,
На башке – лягушка...*

Тут и пение, и смех оборвались, а зубоскалка с изумлением уставилась на эльфийскую стрелу, пронзившую широкий рукав ее рубахи и припилившую ее саму к дереву.

Эльф усмехнулся, опустил лук и неторопливо пошел уже вброд посмотреть поближе на ту, что осмелилась сказать что-то о его ушах. Он промок насквозь, с длинных волос ручейками стекала вода, в сапогах хлюпало, но он ничего этого не замечал, поскольку был слишком зол и заинтересован. А девушка тем временем пыталась вытащить стрелу, бормоча невнятные ругательства и посекундно оглядываясь на приближавшегося неприятеля. Вот уже заскрипел песок под его шагами...

– *Яниансинг инсынъятинг, у-у-у... порлог истигболи!!!* – От таких слов, достойных вусмерть пьяного наемника-орка, эльф сначала покраснел, а потом хмыкнул. Уж что-что, а ругаться девчонка умела.

– Так-так, и что же это за королеву сквернословия я подстрелил? И что мне с тобой делать, негодница? Отстегать, что ли, лозой, да и отправить обратно в твой хлев?

– Только попробуй прикоснуться ко мне... ты, *укк фургат!*

От такого эльф даже поперхнулся, но не отступил. Он подошел вплотную к шипящей как камышовая кошка девчонке, легким мановением одной руки выдернул стрелу и, не глядя, точным движением опустил ее за спину, в колчан.

– М-да, стегать тебя, пожалуй, поздновато, а вот целовать – самое время...

Пытаясь вырваться из тонких стальных обручей эльфийского объятия, девушка слишком сильно дернулась, ударила локтем о дерево и с присвистом втянула воздух сквозь оскаленные зубы – красивые, белые, вот только клычки у нее выдавались чуть больше, чем это положено обычным людям.

– Ого... – протянул эльф, – орчатская порода вылезла? Интересно, кто он был – дед, прадед?

Она уставилась на него глазищами, обычно мягко-серыми, как нильгайская замша, теперь же от злости бледно-голубыми, и промолчала. Эльф не стал развивать тему происхождения обидчицы, взял ее тонкими, сильными пальцами за подбородок...

– Не смей, ты...

Он наклонился, и уже через мгновение забыл обо всем на свете. Ее губы были похожи на лепестки розовых осенних георгин – такие же прохладные, нежно-упругие. Он целовал их, стремительно забывая о том, что это, по правде говоря, не входило в его первоначальные планы – он собирался всего лишь обидно шлепнуть ее пониже спины; а поцелуй затягивал его, искушал, дразнил... Он закрыл глаза, светло-синие и колючие, как мартовское небо, вздохнул, позволил своим губам стать ласковыми и чуть-чуть ослабил объятия. И тут же об этом сильно пожалел.

Ибо извернувшаяся змейкой девчонка весьма чувствительно пнула его коленкой в запрещенное всеми правилами честного боя место, а когда он со согнулся вдвое, толкнула изо всех сил, повалив на траву, подхватила свое белишко и была такова.

Уже давно стихли ее легкие, торопливые шаги, растревоженные речные птицы снова селись по местам и завели свои нескончаемые разговоры, все дальше и дальше несла свои воды Быстрица. А эльф все лежал на пологом песчаном берегу и плечи его слегка вздрагивали. Хэлдар, лорд Лотломиэль, вольный лесной страж, лежал на земле весь мокрый и смеялся, смеялся так легко и весело, как будто снова стал беззаботным ребенком.

Глава первая. В гостях у Черного Лиса

– Я очень рад, дядя Хэлдар, что ты все-таки успел на юбилей к барону. Жаль, почти все интересное пропустил; сегодня последний день... Ну ничего, постараемся наверстать.

– Ты ничуть не изменился, Хадор. Все такой же неугомонный и восторженный; и о каком интересе ты говоришь? Как будто не видел я человеческих праздников... Напились, объелись, по кругу потопали – это у них называется танцами, а для полноты картины подрались. Что, разве не так?

– Представь себе, нет. Старик Гэлвин много что умеет, например, подбирать гостей. Суди сам. Первыми прибыли цверги, делегация от кланов Железа, Меди и Серебра.

– Ого...

– Вот именно, в большем составе – со спесивцами из клана Золота – они бывают разве что на королевских свадьбах... Слушай, а почему такая честь старому барону?

– Гэлвин сумел склонить престол Одайна на сторону цвергов в самый тяжелый период их войны с гномами; они уже голодали, всех летучих мышей успели приесть, – а он привел обоз с продовольствием... такое не забывается.

– Это уж точно. Потом явились велигоры – целых четыре штуки, важные такие, ожерелья до пупа, дубинки все в резьбе.

– Это не дубинки, это парадные жезлы старейшин. Боевые дубины в три раза больше.

– Да?!.. Ничего себе. Ну, потом кое-кто из соседей: или такие же старые пройдохи, пони-мающие толк в увеселениях, или молодые прожигатели батюшкиных денежек. Несколько придворных остолопов с семействами – для смеху, очевидно; какие-то родственники. Как всегда, самыми последними явились наши – я и еще кое-кто из Стражи, Ливайна со свитой поклонников, Геран... слушай, а ты здесь какими судьбами?

– Случайно встретил Герана, а от него не отвяжешься.

– Ага. В общем, общество подобралось – что надо, угощение – выше всяких похвал, а самое главное – старик Гэлвин сумел зазвать к себе на целых четыре дня храмовую труппу Лимпэнг-Танга – всех до единого!

– Вот это интересно... Я ни разу не видел их выступлений, но слышал о них... многое. Ну и как они тебе?

– Потрясающе. И не делай такого скучного лица, дядя Хэлдар, сам увидишь – это такое... такое... Представь себе – ни один номер не повторяется, артисты – само совершенство...

– Будет тебе, Хадор. Позволь мне хоть немного отдохнуть с дороги, вечереет уже, увидимся на пиру.

– Подчиняюсь... – молодой эльф склонил голову в шутивно-почтительном поклоне и вышел из комнаты.

Хэлдар закрыл дверь за своим болтливым племянником и огляделся. Отведенная ему комната была не слишком просторна, но вполне удобна. Она находилась в третьем этаже западной башни старого замка Гэлвинов, одного из самых старинных (по людским меркам, конечно) родов королевства Одайн; располагался замок на границе с эльфийским лесом Молодой Листвы и в былые времена не раз выполнял роль пограничного гарнизона. Теперь же, когда войны людей и эльфов канули в прошлое и старые обиды поросли быльем, он стал родовым гнездом баронского рода и гордо нес на фасаде герб Гэлвинов – черный лис на серебряном поле, по углам – пучки копий.

Замок был построен из серого с черными прожилками камня, так что казалось, будто стены его – сплошь в трещинах, и вот-вот рухнут на головы беспечным обитателям. Куда как обманчивое впечатление... Гэлвины строили с умом: во время оно в раствор, скрепляющий камни, щедро добавляли сырые яйца, и даже, по совету мастеров, купили – не пожадни-

чали – несколько бутылей густого и белого, как хорошая сметана, вяжущего сока какого-то неведомого южного растения. Раствор с добавлением заморской диковины схватывал камни намертво, не выкрашивался и плевать хотел на любые потопа, а если уж до конца верить рассказам смуглолицего и краснобородого купца, умудрившегося за три дня пребывания в старом доме Гэлвинов распродать весь свой запас бус, а также обрюхатить двух служанок, еще и защищал от ударов молнии. Насчет этого проверить пока не удавалось – боги миловали, а во всем остальном логово Черных Лисов удалось на славу.

Эльф расчесал волосы, заплел их на висках и закрепил низко на затылке легкой серебряной пряжкой: еще до прихода мальчишки Хадора он успел умыться и сменить привычную одежду Вольного Стража на более парадный камзол темно-красного атласа, штаны и рубаху белого шелка, серые сапоги нильгайской замши; сел в кресло, стоящее у окна, опустил подбородок на переплетенные пальцы рук, и попытался разобраться в том беспорядочно спутанном клубке, в каковой превратилось его такое дисциплинированное сознание.

Как назло, перед самым уходом из общей резиденции Вольных, куда стекались все новости и откуда все важные вести отправлялись в столицу, он наткнулся на прилипалу Герана и не успел притвориться старым, замшелым пнем; грубить же другу не хотелось – в результате пришлось тащиться вместе с ним на это нелепое празднество. Немало повеселило его и прочитанное по дороге письмо от матери, вновь умоляющей его памятью отца вернуться домой, признать оскорбление – досадным недоразумением и занять достойное лорда Лотломиэль место при дворе Четырех Королей; в конце письма матушка с рвением, достойным подкупленной свахи, перечисляла достоинства его невесты... Хэлдар не нуждался в напоминаниях, он очень хорошо ее помнил – высокую, божественно сложенную, с длинными волосами цвета воронова крыла, синеглазую и грациозную, и безразличную ко всему на свете, кроме своего достоинства и фамильных драгоценностей. Да еще это давешнее купание в ледяной воде Быстрицы...

Именно оно, и ничто другое. А все остальное не имеет ни малейшего значения, сказал Хэлдару внутренний голос. На самом деле тебя беспокоят мысли о той негоднице; и важно даже не то, что они... чересчур... их попросту не должно было быть, не так ли? Эльф думает о человеческой девушке? Рыбки в облачках порхают, гном весь трактир пивом за свой счет угостил... И при всем том они есть, эти мысли. И прогнать их тебе не под силу. Даже не пытайся.

Хэлдар резко встал, распахнул окно – пусть комната проветривается, и, заперевав за собой дверь, направился по коридору к лестнице, ведущей вниз, в пиршественный зал. На последних ступенях он задержался, поскольку впереди него, в полутемном холле кто-то разговаривал.

– Ты все сделал, как я велела? Смотри у меня, недоумок, если перепутал стол... – такой переливчатый, серебристый выговор мог быть только у эльфийки.

– Не извольте сумлеваться, госпожа, все сработано в чистом виде. Так как насчет денюжек? – второй голос был хриплый и гнусавый, как у пьяного конюха.

– На, получи. И проваливай.

Две фигуры разошлись: одна – стройная, изящная – в ярко освещенный зал, вторая – приземистая, угловатая – в темный боковой коридорчик, и Хэлдар, недоумевая, какой же стол так заинтересовал красавицу Ливайну, неслышно прошел вслед за ней.

В пиршественный зал он вошел одним из последних; почти все гости уже расселись за столами, расставленными полукругом вдоль невысокого помоста, на котором должны были выступать приглашенные артисты, о которых Хэлдару уже приходилось немало слышать. Дети Лимпэнг-Танга были самой необычной труппой во всем обитаемом мире. Начать хотя бы с того, что они никому не принадлежали. Не было у них хозяина, который набивал бы свою кошину, богатея их трудами; своего главу, призванного от имени труппы вести переговоры и заключать контракты, они выбирали сами, открыто и честно. Стать членом этого актерского братства мог стать только очень талантливый, незаурядный артист; любой из Детей Лимпэнг-Танга мог заменить собою целый цирк или театр, мастерски владея несколькими видами

искусств и имея свой неповторимый номер, который более никто не мог исполнить. Летом они колесили по королевствам и княжествам обитаемого мира, останавливаясь на ярмарках или в замках (случалось, что бароны и герцоги серьезно ссорились, выясняя, чья очередь принимать артистов у себя дома), а ни зиму оседали в каком-нибудь большом городе, арендуя здание театра или цирка.

И один раз в году, перед тем как начать повое странствие по градам и весям, артисты отправлялись в паломничество к храму своего легкого и веселого божества – Лимпэнг-Танга. Они недаром называли себя его детьми: всех их судьба приводила однажды на широкие белые ступени, ведущие в святилище тихо смеющегося бога, и всех их он отметил особой милостью, призвав в свою труппу. Актеры везли Лимпэнг-Тангу цветы и свои новые номера, чтобы порадовать его взор и развеселить сердце. Они любили своего бога, хотя и знали, что в горькие дни помощи от него ждать бесполезно, ибо над темными силами он не властен; да и может ли кто-нибудь, кроме людей, справиться с горем и болью?! Но Лимпэнг-Танг разворачивал крылья вдохновения за их спинами, давал им радость творить... он выходил к своим детям – вечно юный, рассыпающий смех бубенчиков, вплетенных в нескитанные косички – и плясал вместе с ними, и его узкие босые ноги не оставляли следов на высокой траве... И в такт его божественному дыханию вздрагивали, позвякивали серебряные колокольчики, которые он собственноручно вдевал каждому из своих артистов в левое ухо.

* * *

За центральным столом сидел хозяин замка, старый Черный Лис Гэлвин – невысокий сухопарый старик; на его загорелом морщинистом лице выделялись молодые, веселые глаза, словно бросающие вызов белоснежным сединам; на темно-зеленом камзоле тускло поблескивала баронская цепь черного золота – других драгоценностей Гэлвин не признавал. По левую руку от барона сидели две хорошенькие близняшки – его племянницы, по правую – его лучший друг и ближайший сосед, известный на все королевство врач и ученый Альвиц. За отдельными столами, уставленными внушительного вида утварью, сидели велигоры, разодетые ради торжественного случая в парадные меховые безрукавки: их длинные, обычно всклокоченные волосы были заплетены в множество косичек, каждая из которых заканчивалась деревянной бусиной; резные жезлы покоились у них на коленях. Рядом расположилась делегация цвергов, в серых, коричневых и серебристых одеждах, у каждого оба запястья были украшены массивными браслетами из металла клана; их прославленные усы, кое у кого спускавшиеся до середины груди, были щедро умощены благовониями. За другими столами сидели какие-то люди; эльфы расположились справа от баронского стою.

– Ну наконец-то, – приветствовал Хэлдара Геран, его давний знакомый по столице. – я было решил, что ты заснул. Усаживайся поудобнее, да не забудь возблагодарить судьбу, она к тебе более чем благосклонна: все поздравления уже сказаны, ответные благодарности высказаны, и все могут спокойно наслаждаться гостеприимством барона, не скребя в затылке, вымучивая цветистые речи.

В это время хозяин замка встал и поднял правую руку, призывая к вниманию. Гул в зале затих.

– Мои дорогие, достославные гости, – обратился к собравшимся Гэлвин, – сердечно благодарю вас за то, что вы почтили мой праздник своим присутствием. Не путайтесь. – он снова, на этот раз успокаивающе поднял руку, – я не собираюсь услаждать ваш слух долгой и нудной речью, скажу только, что сегодня, в последний день праздника, я желаю вам отменно повеселиться. Для вас, и только для вас, я представляю особую самое лучшее от Детей Лимпэнг-Танга!..

Гости ответили барону восторженным ревом и рукоплесканиями. Ну еще бы – ведь «самое лучшее» состояло именно из тех номеров, каковые кроме артистов, носящих в левом

ухе два маленьких позвякивающих колокольчика, исполнить не мог никто. Это были их коронные номера, за которые их похвалил сам Лимпэнг-Танг.

На дощатый помост-сцену из-за сооруженных для такого случая кулис вышел высокий темнокожий мужчина с белоснежными волосами, одетый в просторный темно-зеленый плащ.

– Это Лиусс, – зашептал на ухо Хэлдару Геран, – их нынешний глава, музыкант и великолепный фокусник.

– Ты что, все их знаешь? – поразился Хэлдар.

– Друг мой, в своем лесу ты невероятно отстал от жизни... нельзя же так! Я видел их выступления дважды, между прочим, приезжал специально для этого на ярмарки.

Темнокожий Лиусс поклонился публике и сказал звучным, глубоким голосом:

– Господин барон и вы, досточтимые гости! Сегодняшнее наше выступление мы посвящаем славному хозяину замка Черного Лиса, да не умалится его пышный хвост!.. – и он резко вскинул руки, словно разбрасывая что-то из горстей, и вдруг из кончиков его пальцев вырвались десять снопов маленьких фейерверков. Тут же Лиусс сложил ладони вместе, развел их, и под потолком, прямо над головами гостей за клубилась совсем настоящая грозовая туча размером с небольшой ковер, глухо прогремел гром, сверкнула молния; фокусник дунул на тучку, и она разразилась настоящим дождем, однако капли, не долетая до пола, исчезали. Затем он очертил руками в воздухе полукружие – и на месте тучи заискрилась всеми своими семью цветами радуга. Барон Гэлвин улыбнулся: его покойная матушка очень любила рассказывать, что ее любимый сыночек появился на свет в бурную грозовую ночь, под раскаты грома и перестук дождевых капель. Лиусс поклонился, благодаря за аплодисменты, и объявил:

– Рецина и ее стальные кружева!

– О, это должен быть потрясающий номер. – снова зашептал Геран, – Рецина, по слухам, владеет любым оружием со всего обитаемого мира: она с острова Мизоан, а тамошние женщины одолеют конного рыцаря даже вязальной спицей. Смотри, смотри!

– Слушай, отвяжись... дай поесть спокойно... Ничего себе!

– А я что говорил!

На сцену вышла высокая, смуглая женщина, одетая в короткие штаны, безрукавку змеиной кожи и легкие сандалии, на поясе, украшенном устрашающего вида клыками, висел длинный кинжал; ее ярко-синие волосы были заплетены в толстую недлинную косу, такого же цвета глаза окружала затейливая татуировка; подобные рисунки были и на кистях рук воительницы, и на лодыжках. Она остановилась в центре помоста, невозмутимо рассматривая публику. Вышедший следом Лиусс нес целую охапку настоящего боевого оружия, превосходно отточенного и отбалансированного. Он раздал его всем желающим (увы, на всех не хватило), подав хозяину замка редкостные в этих краях серпы смерти; когда-то один из таких серпов оставил длинный тонкий шрам на правой щеке барона, вставшего в свои неполные семнадцать лет под знамена Одайна в войне Безумного Солнца; молодой Гэлвин сумел тогда посчитаться с владельцем серпов, выпустив содержимое его смуглого живота на раскаленный песок пустыни... По условиям номера, зрители сами кидали Рецине оружие, без предупреждения – кто когда захочет. (Не все разом, разумеется).

Пока зрители рассматривали оружие, проверяя его подлинность и боевую готовность, из-за кулис вышел рыжий тип с деревянным барабанчиком. Он уселся, скрестив ноги, на краю сцены и принялся выстукивать ритм – сперва тихо и невнятно, затем все громче и громче... та-там... та-та-там... та-там... та-та-там... Огромные люстры, щедро поливавшие зал светом белых восковых свечей, несколько поугасли, светильники, расставленные по окружности сцены, разом лизнули воздух красными языками пламени. Голоса в зале умолкли.

Первым не выдержал какой-то цверг, запустивший в голову циркачке боевым топором, который она поймала без малейшего усилия, почти не двинувшись с места... Рецина стояла, гордо выпрямившись, держа массивную рукоять в вытянутых над головой руках; дав публике

пару секунд полюбоваться сим зрелищем, она резко присела, подпрыгнула, и, выкрикнув боевой клич гномов, принялась вертеть тяжеленным топором словно тросточкой.

Чуткое ухо эльфа уловило глухой стон воздуха, испаряемого ятаганом – Рецина отбила его, перехватила в воздухе толстую, удобную только для орка рукоять, а отслуживший топор отшвырнула, вогнав лезвие чуть ли не на половину в деревянный пол сцены. Грубое ороchrome уханье – и широкое лезвие превратилось в порхающего мотылька, кружащегося вокруг смуглой красавицы. Выпад... и на руке циркачки повисла, обвившись на запястье, разбойничья цепь. Она раскрутила ее, так, что шипастые шары со свистом рассекали воздух; зрителям казалось, будто над ее головою парит блестящий зонтик.

А затем почти одновременно в пол воткнулся ятаган, вокруг него, тускло зазвенев, обвилась цепь, а Рецина, взлетев в воздух, поймала глефу, отправленную в полег эльфийской рукою, приземлилась, перекувырнувшись через голову... и тут, нарушая ритм барабанной дроби, кто-то из гостей швырнул на сцену дротик, явно метя в сторону рыжего. Удар был отбит мастерски, быстро и точно; а барабанщик, подхватив один из обломков дротика, тут же изменил рисунок мелодии, дополнив глухие удары ладонью звонким постукиванием палочки. А глефа порхала в руках Рецины, взлетала и кружилась. Потом в руки циркачки словно сами собой прилетели серпы смерти и, встреченные гортанным криком-клекотом, заплясали, повинаясь ее мастерству. И, наконец, пришел черед меча – серпы поймали его, словно два когтя; в помощь ему заблестал выхваченный из-за пояса кинжал. Вместе, в руках неутомимой воительницы, они действительно ткали в воздухе стальные кружева, неуловимый, звенящий и убийственный узор. Последний выпад, свистящий – «ха-а-ах...» – выдох, и меч дрожит, воткнувшись в пол, и замирает барабанная дробь, и огненные языки светильников вновь взлетают над бронзовыми чашами, осыпая тысячами искр замершее на краю сцены смуглое тело... а зрители, восхищенные и наэлектризованные, орут от восторга и неистово рукоплещут...

Пока гости барона Гэлвина приходили в себя и заливали возбуждение содержимым его винных погребов, Лиусс вместе с каким-то верзилой («это их силач, Орсон» – пояснил Геран) убрали со сцены оружие, вбили в пол несколько железных штырей для крепления растяжек и принялись устанавливать необычную трапецию: два высоких шеста, и на каждом поблескивают металлические скобы, с которых свисают серебристые веревки. Работа была закончена как раз тогда, когда зрители созрели для нового номера.

Оставшийся на сцене Лиусс повел руками и расположенные перед сценой светильники сами по себе несколько поугасли, зато ярко полыхнули другие – на стене позади помоста.

– Досточтимые гости, я с гордостью представляю вам «Паутину» – новый *лучший* номер Криоллы. Вы будете первыми, кто увидит и оценит его.

Как только фокусник покинул сцену, из-за кулис полилась негромкая, тягучая мелодия. Вскоре перед затаившими дыхание зрителями появилась девушка в костюме акробатки, словно облитая черным мерцанием; ткань обтягивала и голову Криоллы, полностью скрывая ее лицо. Под музыку, похожую на вечерние лесные шорохи, девушка принялась плести настоящую паутину, словно перепархивая с одного шеста на другой. Вскоре сеть была готова – серебристые концентрические круги, пересеченные прямыми линиями, гостеприимно светились в воздухе; в центре же застыло тело Криоллы – изящное и невесомое. В этот момент из-за кулис, с разных сторон появились еще два участника номера – двое мужчин, оба в костюмах, очень похожих на одеяния Вольных Лесных Стажей. Они приблизились к паутине и замерли, околдованные опасной красотой. А Криолла, изгибаясь и принимая немыслимо соблазнительные позы, начала спускаться вниз. Вот она ступила на пол и подошла к одному из них; он раскрыл ей свои объятия, и она не уклонилась от них, и, увлекая его все ближе и ближе к паутине, обвила тело мужчины тонкой нитью и он замер, спутанный ее смертоносной любовью. Второй Лесной Страж предпринял попытку подчинить хозяйку паутины своей воле; он наступал на нее, пока она покорно не отдалась в его руки, но подчиняясь и уступая, она незаметно вела мужчину

в свою сеть. Артисты не сказали ни слова, только блестяли их глаза и тела ткали музыку танца, но Хэлдар отчетливо слышал бьющиеся в воздухе властный голос и нежный шепот...

Тонкая нить падает на плечи возжелавшему хозяйку паутины, и все его попытки освободиться бесполезны – каждый отчаянный рывок лишь позволяет ей накинуть новую петлю на его тело. И вот наконец вторая жертва бессильно повисает в серебристом сплетении, запутавшись в собственных желаниях и нитях паутины, а госпожа паучиха поднимается вверх, где и застывает, распластавшись в зовущей, провоцирующей позе, – поджидать новых охотников за своей любовью.

Завороженные волшебным зрелищем, зрители не сразу опомнились, но невнятные вначале хлопки переросли в поистине оглушительное одобрение. Артисты подошли к краю сцены, поклонились и Криолла сняла с головы капюшон. Хэлдар увидел миниатюрное, почти треугольное личико, раскосые желтые глаза и прямые черные волосы, подстриженные лесенкой; один из актеров оказался очень похож на Криоллу – только выше ростом и длинные волосы собраны в хвост, скрепленный несколькими золотыми кольцами.

– Шонно, – протягивая ему руку, сказала зрителям Криолла и, повернувшись ко второму партнеру, засмеялась (было видно, что она очень радуется успеху) – и Лорка!

У этого были огненно рыжие волосы, выходящие вокруг головы лоскутами лесного пожара, зеленые, как молодой крыжовник, глаза, задорный нос и большой рот, любящий смеяться и целовать. Артисты еще раз поклонились и скрылись за кулисами. Вскоре на сцене оказался небольшой трон, украшенный с нелепой, бьющей через край роскошью. Зрители, переговариваясь и опустошая тарелки и кубки, заглядывали на кулисы, гадая, кто же сейчас появится. И вот на сцену вышел высокий, стройный юноша; обратив к публике свое слишком красивое для человека, бесстрастное лицо, он негромко объявил:

– Его величество Хвергельмир Сокрушитель!

В тот же миг артист невероятным образом преобразился: все в нем вроде бы осталось прежним, но походка, осанка, выражение лица, взгляд... Вместо стройного юноши на сцене оказался кряжистый, приземистый старик с хитрым, упрямым лицом и бегающими прищуренными глазками. Под хохот публики, в котором выделялись всхрюкивания цвергов, он величественно прошествовал к трону и уселся, предварительно скинув на пол невесть откуда взявшуюся дохлую крысу.

– Э-э-э... тык-скыть, эта... ну, как эта... э-э-э... в общем, мое величество желает всем благородным гостям процветать и зра.. сва.. вава.. вать, – и он оглядел собравшихся с нескрываемым торжеством, весьма довольный своим красноречием.

Казалось, что от дружного хохота вздрагивают каменные стены замка и покачиваются люстры, смеялись все, даже эльфы, настолько злой и точной была эта пародия на короля гномов. Велигоры от восторга молотили своими жезлами по столам, грозя превратить их в щепу, снежно-седой Альвиц утирал выступившие от смеха слезы; прикрывая лицо рукой, постанывал насмеявшийся до икоты Геран, но солонее всех пришлось цвергам – они уже не в состоянии были смеяться, только повизгивали и похрюкивали, держась за бока. А шут Лимпэнг-Танга все поддавал и поддавал: он потребовал пива и выхлебал поднесенную кружку (разумеется, воображаемую) с неопикуемой жадностью, булькая и давясь; затем принялся радушно угощать невидимого посла невиданным лакомством – целым яйцом всмятку, и при этом все бубнил про себя, что авось этот посол не такой обжора, как предыдущий, оставит и ему чуток угоститься...

Наконец, король гномов ушел за кулисы, волоча за собою дохлую крысу и объявив напоследок, что из нее выйдет недурной воротник на домашнюю мантию... Несмотря на все рукоплескания довольной публики, он так и не вышел на сцену.

– Геран, кто это был? – наклонившись к соседу, спросил всерьез заинтересованный Хэлдар.

– Это Арколь, их шут. Мог бы стать великим артистом, если бы обратил свой дар на что-нибудь более серьезное. Но он предпочитает смешить...

– Но ведь он... эльф?

– Полукровка, – дернув щекой, ответил Геран, – какая-то из наших высокородных дам развлекалась с человеком... ребенка, как водится, подбросила в приют Дочерей Добродетели...

Пир продолжался своим чередом. Гости развлекались в свое удовольствие: желающие напиться – опрокидывали бокал за бокалом, заливая вином парадные одеяния; желающие накушаться про запас – опустошали тарелки и подносы, распуская пояса; жаждущие общения – беседовали, и все без исключения ждали следующего выхода кого-нибудь из храмовой труппы Лимпэнг-Танга. Бесшумно сновали слуги, внося все новые и новые перемены блюд, меняя чересчур запачканные скатерти, опрыскивая пол душистой водой; праздник определенно удавался на славу. Хэлдар давно уже отодвинул от себя серебряный столовый прибор и, прихлебывая отменное баронское вино, рассматривал гостей. Все шло своим чередом, как и должно, но внутренний голос нашептывал ему, что вряд ли сегодняшний вечер закончится тихо и мирно, что-то назревало в воздухе... но вот что именно? Порой он ощущал, как мимо него проносятся дуновения чьих-то чувств – ревности? страха? радости? Вот и Геран как-то озабоченно потер лоб кончиками пальцев... На сцену снова вышел Лиусс.

– Гости славного барона, представляю вам Орсона и всю силу его рук!

А затем на подмостках снова появился Арколь. На этот раз его сопровождал Лорка, переодетый в женское платье; он следовал за шутом по пятам, вздыхая и охая. Сделав круг по смене, «девица» обратилась с жалобой к зрителям:

– И угораздило же меня, несчастную, влюбиться в эльфа! Ну что ты будешь делать с эдаким кавалером, и добро бы я ему не нравилась, так ведь нет, говорит, что мила я ему...

Хэлдар вздрогнул, Геран удивленно глянул на него.

А на сцене тем временем артисты разыгрывали настоящую комедию. В ответ на все улыбки и томные взгляды девицы, Арколь-«эльф» принимал изысканные позы, словно срисованные из придворного трактата о хороших манерах, и начинал воспевать достоинства своей избранницы... Она недвусмысленно подмигивала ему, а он распевал серенады. Она задирала подбородок чуть ли не до подбородка, демонстрируя полосатые чулки и кружевные панталоны, а он с изысканным подвыванием читал ей стихи. Сидящие за столом эльфы помрачнели и с деланным недоумением переглядывались, Хадор так и вовсе покраснел от негодования, и все порывался встать и вмешаться... Но вот артисты скрылись в кулисах: под конец «эльф» почти что убегал от своей ретивой красавицы, а она, перед тем, как скрыться окончательно, обернулась к зрителям и крикнула, обращаясь явно к Хадору:

– Эй, мастер эльф, может, ты не такой недотепа, а?! Приходи нынче на сеновал, проверим! – и под одобрительный смех публики нырнула под занавес. А уже через несколько секунд оттуда вышла уже другая пара: на этот раз Арколь изображал влюбленного цверга, который отнюдь не утомлял девушку чтением стихов, но стремился без лишних слов уволочь ее в ближайšie кусты... Хэлдар все более поражался незаурядному актерскому мастерству шута – настолько полно перевоплощался он в своего персонажа, доводя до зудящей оскотины самые характерные его черты. Ему не было нужды прибегать к сложному гриму или каждый раз переодеваться: он изменялся с а м – и этого было довольно.

А на сцене бедная девушка не знала, как ей отбиться от чересчур назойливого кавалера. Она то принималась просить его спеть любовную песню, то предлагала полюбоваться на восходящую луну, то требовала стихов в свою честь... Влюбленный же цверг в ответ на все ее инсинуации не мог связать и двух слов, мялся, мямлил и поминутно распускал руки... получал оплеухи и, под подбадривающие крики зрителей, снова лез на приступ. В конце концов, девушка посулила ему немалую трепку и принялась кричать караул. Цверг не дожидаясь, пока

сбежится вся ее мужская родня, дал тягу во все лопатки, не забыв напоследок пригласить ее выйти ночью в сад...

Вдоволь, от души насмеявшиеся гости все еще хлопали актерам, когда на сцене снова появился Лиусс.

– Самые лучшие номера обычно приберегают напоследок, не так ли, досточтимые гости? Но для вас мы не станем скупиться. Вскоре вы увидите то, ради чего многие из вас переезжают из города в город, устаивают своим посещением ярмарки... – тут он мельком, почти незаметно (но не для эльфа...) глянул на Герана.

– У Детей Лимпэнг-Танга еще найдется, чем удивить вас, наша особая программа закончится не скоро. Однако мы не будем испытывать ваше терпение. Высокочтимые гости, после небольшого антракта для вас будет танцевать Амариллис!

И, поклонившись, фокусник скрылся за кулисами.

– Геран?

– Ни слова, Хэлдар, ни слова, пока ты сам не увидишь этого. Пойдем, выйдем на балкон, здесь уже становится слишком душно, – и он потянул вниз расшитый ворот камзола.

Они встали и, раскланиваясь с другими прохаживающимися по залу гостями, прошли к высоким, распахнутым в ночной сад дверям. Нельзя сказать, чтобы барон уделял саду особое внимание, он почти не вмешивался во внутренние дела цветов и деревьев и не навязывал им посредством ретивого садовника свое представление о естественной красоте; возможно, именно поэтому сад и был так хорош, что даже эльфы одобряли его. Хэлдар и Геран прошли немного по едва заметной тропке вглубь и остановились под огромной, цветущей липой; они поздоровались с деревом, на мгновение прижавшись лбом к прохладной коре, и заговорили.

– Ты вовсе не должен мне что-то объяснять, Геран. Если только не хочешь рассказать сам.

– Не знаю... боюсь, ты неверно истолкуешь мои слова.

– Несказанные слова толковать еще труднее. Мы как-никак друзья, или ты забыл об этом в столице?

– Нет, не забыл. Да и рассказывать вроде не о чем. Мне действительно небезразличен этот театр и эта девушка... Амариллис. Я увидел ее на коронационных праздниках, в Арзахеле, она танцевала во дворце... Это невозможно описать словами, Хэлдар, нужно было видеть, как избалованные столичные зрители, более чем пресыщенные, сидели, разинув рот. А я, как и полагается утонченному «эльфу», затосковал, и думал только о том, какое это счастье – любить, просто и только – любить...

– Неужели? И она – вернее, ее искусство – настолько пленили тебя, что ты переезжаешь теперь с места на место, вслед за труппой?

– Если бы... Его величество Воды не жалуется праздных гуляк; но я с особой охотой берусь за поручение, если место моей миссии совпадает с местом выступления некоей храмовой труппы... Тебе это кажется нелепым?

– Нет, нелепым не кажется... но вот неразумным...

– Брось, Хэлдар. Мы живем в драгоценных коконах всю свою жизнь, настолько длинную, что людям она даже представляется бесконечной. Туда не пойди – недостойно, с тем не говори – не принято, этого не делай – неуместно... Ты вот в Лесную Стражу ушел, а я театром увлекся... Вольный воздух, свежий ветер...

– М-да... Скажи, а кроме тебя, у этой... Амариллис есть еще поклонники... эльфы?

– Есть. Равно как и завистницы.

– Даже так?

– Одна из них сидит сегодня с нами за одним столом... да-да, Ливайна Златовласая собственной персоной. Тогда в Арзахеле один из ее верных рабов, украшение ее свиты, Гвальмай.

– Гвальмай из Северной Гавани?

– Он самый... он так увлекся любимой танцовщицей Лимпэнг-Танга, что и думать позабыл о своей прежней даме. Принялся всячески ухаживать за циркачкой, что только не делал, прямо-таки из кожи вон лез, – все напрасно, – не без злорадства сказал Геран, – и все это на глазах у Ливайны,

каково?!

– И она его не отравила? Я знаю Ливайну, добрым нравом она никогда не отличалась...

– Это верно. Теперь она даже имени Гвальмая не выносит, страшно подумать, что она сделала бы с Амариллис... при возможности.

– Ты все-таки заставил меня заинтересоваться, Геран. Что ж... пойдем, посмотрим на это чудо.

– О глубины и волны! Как я мог так заболтаться! Скорее, я не могу пропустить ни минуты! – с этими словами Геран схватил друга за руку и почти бегом потащил его в залу.

Они сели за свой стол; за время их отсутствия слуги поменяли скатерть, поставили новые приборы и, судя по стоявшим в огромных плоских вазах фруктам, готовились подавать десерт. Рядом с местом барона Гэлвина двое слуг установили еще один стол, длинный и пустой, соединивший хозяйский стол со сценой. При взгляде на одного из них – низкорослого, кривобочного – Хэлдару вспомнился уродливый силуэт в полутемном холле... «стол не перепутал?.. не извольте сумлеваться...» Эльф досадливо тряхнул головой. На сцену вышел Лиусс, неся гитару из поющего дерева, и вслед за ним – невысокая, изящная женщина в длинном черном платье, на лице ее выделялись ярко-карие глаза и чувственный, сладкий рот. В ответ на недоуменный взгляд Хэлдара Геран поспешил пояснить:

– Это Венона, певица, она всегда поет для Амариллис.

И в этот миг на сцене появилась та, о которой Хэлдар уже столько успел услышать. Но такого он не ожидал.

На ней был необычный парик – недлинные, прикрывающие плечи волосы самых разных цветов: черного, красного, синего, фиолетового, изумрудного, оранжевого... они переливались как драгоценные птичьи перья из лесов Нильгау. Из похожей ткани – темно-синей в основе, расшитой разноцветными блестящими нитями – была и одежда танцовщицы: короткий лиф, украшенный прозрачными, негромко позвякивающими подвесками, и длинная, в пол, плотно облегающая бедра и широкая книзу юбка; на маленьких босых ножках Амариллис поблескивали два резных серебряных браслета. Она походила на редкую певчую птичку, случайно залетевшую в распахнутое окно залы, или на невиданный цветок, украсивший гладь паркового озера. И все же она оставалась той самой грубиянкой, которую промокший насквозь Хэлдар не так давно целовал на берегу Быстрицы.

О да, дети Лимпэнг-Танга по праву считались лучшими артистами обитаемого мира: они знали свое дело. Только они могли так удивить, так развеселить, так очаровать зрителя. Томно покачивалось пламя в чашах светильников, заливая сцену трепещущим золотистым зноем. Лиусс ласково перебирал струны и гитара откликалась ему удивительным, волнующим душу звоном, им вторил голос Веноны, глуховатый, исполненный подлинной страсти, и все это сливалось в чувственную, полную диковатой прелести мелодию...

*...Только ночью ты по-настоящему открываешь глаза,
Только темнота поможет тебе увидеть меня...
Так сомкни же ресницы и открой свое сердце —
И не проси пощады у Любви...*

Амариллис танцевала – и зрителям казалось, будто перед ними сама душа этой песни, воплотившийся зов Любви. Плавные, манящие движения рук, завораживающие переливы юбки, обнажающей порой в резком повороте стройные ноги – никто не мог отвести от этого

глаз, да никто и не хотел... Повинуясь голосу мелодии, танцовщица все ближе и ближе подходила к краю сцены, собираясь, по-видимому, перейти по пустому столу прямо под ясные очи господина барона и там закончить свое выступление.

*...Ты счастлив и испуган, и песня твоя – как стон,
Это госпожа Любовь позвала тебя в свою страну.
Иди и ищи свое счастье,
И не проси пощады у Любви...*

Амариллис закружилась, превратившись в диковинный цветок; неуловимое движение рук – и юбка, шелестя и волнуясь, опускается к ее ногам... по залу прокатывается согласный, стонущий вздох. Она же, оставшись в расшитом лифе и короткой, украшенной такой же хрустальной бахромой набедренной повязке, замирает на несколько секунд, словно милостиво позволяя собою полюбоваться.

Хэлдар был совершенно ошеломлен. Он не ожидал, что танец произведет на него такое впечатление, и понимал, что ничем не отличается сейчас от мальчишки Хадора, сидящего вцепившись руками в подлокотники кресла, вытаращив глаза и с трудом переводя дыхание. Его взгляд, с огромным трудом оторвавшись от нежно-белой груди девушки, скользнул вниз, по ее животу, бедрам, щиколоткам...

Случайно. Необъяснимо. Беспочвенно. Но его глаза опустились почему-то еще ниже, и он посмотрел на стол, стоящий у края сцены – сначала мельком, бессознательно, затем с тревожным недоумением. Тонкая линия на ножке, почти под столешницей, невидимая для всех, не обладающих эльфийской зоркостью, «...стол не перепутал?..» Стол?!!

Он повернулся в сторону Ливайны – на ее красивом лице застыла гримаска нетерпеливого ожидания, сквозь которую пробивалась злорадная, противная улыбочка... За считанные мгновения, прежде чем нога Амариллис ступила на подлость, он все понял.

Застывшие в сладостном ожидании люди вздрогнули от грохота отброшенного Хэлдаром кресла. А он, перемахнув через стол, метнулся к краю сцены, и все-таки успел встать на колено и подставить свое плечо, взамен выбитой подпиленной ножки стола.

Нужно отдать должное артистам – они и бровью не повели, словно все произошедшее было давным-давно отрепетированным трюком. Песня плела свой прихотливый узор, танцовщица, без малейших колебаний пройдя по чуть накренившейся столешнице, продолжала искушать персонально Черного Лиса Гэлвина, а Хэлдар стоял, уставившись в пол, и не слыша ничего, кроме оглушительного стука собственного сердца.

Должно быть, странное это было зрелище: высокородный эльф, стоящий на колене, словно перед одним из четырех королей, и держащий на плече стол, на котором танцует полуобнаженная девушка... Наконец мелодия стала затихать.

*...Кто бы ты ни был, не отвергай зова Любви,
Ибо только ради нее ты живешь на земле...*

Хэлдар не увидел – почувствовал легкие шаги Амариллис. Он боялся поднять глаза, не знал, куда ему деваться от всего неминуемо последующего за его безумной выходкой; губинная, хваленая эльфийская холодность, неизменно выручавшая в моменты сердечного волнения, покинула его, прихватив с собою эльфийское же невозмутимое достоинство. Он услышал, как Амариллис легко спрыгнула со сцены. Девушка наклонилась к нему, нежно провела пальцами по щеке, взяла склоненное лицо в ладони, приподняла его и, еле слышно прошептав: «Спасибо», поцеловала эльфа в крепко сжатые, пересохшие губы. После этого она скрылась за кулисами под восторженный рев гостей Черного Лиса.

Собрав воедино последние остатки воли, Хэлдар заставил себя подняться; стараясь не глядеть по сторонам, он прошел на свое место, сел и попытался изобразить спокойное величие. Получалось неважно. Рука, державшая резной хрустальный бокал, почти заметно дрожала, стиснутый в прямую линию рот наотрез отказывался улыбаться, а сердце... а сердце, словно вознаграждая себя за долгие годы молчания и уныния, рвалось на волю, расправляло крылья, готовилось взлететь, захлебываясь ликующей песнью.

– Лорд Лотломиэль, я от всего сердца благодарю вас и остаюсь вашим вечным должником. – Звучный голос барона Гэлвина, поднявшегося с места, заставил эльфа оторвать свой взгляд от скатерти. – вы спасли меня и мой дом от худшего из унижений – от осуществленной подлости. Друзья мои, воздадим же хвалу эльфийской зоркости и истинному благородству лорда Хэлдара!

С этими словами он поднял свой баронский кубок, приглашая гостей присоединиться к нему. Отпив глоток, Гэлвин добавил вполголоса, пристально глядя на эльфа:

– И мне кажется, что все мои словеса не идут ни в какое сравнение с благодарностью Амариллис... Не так ли? – и опустил на свое место.

Обычай требовал, чтобы Хэлдар произнес ответные благодарственные реплики, но сейчас он ограничился одним только поклоном. Гости, еще не пришедшие в себя после случившегося, переговаривались, бросая на страдающего от всеобщего внимания эльфа любопытно-завистливые взгляды. Артисты мудро выдерживали паузу, дабы почтенная публика могла переварить увиденное и не мешали ей ненужными сейчас новыми впечатлениями.

– Хэлдар, очнись, – судя по голосу, Геран был встревожен, – не стоит так переживать. Ты только что спас девушку... ее могло убить этим столом, во всех смыслах! И как ты только заметил, что ножка сломана...

– Не сломана. Подпилена, – все так же не поднимая глаз, проговорил Хэлдар.

– Что?! Не может быть, неужели Ливайна... Какая гадость! Тем более, ты не должен сожалеть о том, что сделал. Это не было унижением, друг мой. Или, по-твоему, более благородно сидеть и смотреть, как по воле завистливой дамочки калечится бедная девушка?

Хэлдар бросил быстрый взгляд на собеседника: похоже, что Геран (да и многие другие) посчитали причиной его смущения якобы пострадавшее достоинство, не допускающее преклонения колен перед особой некоролевской крови. Это соображение успокоило его и позволило дотянуть остаток вечера в относительном равновесии.

Хэлдар открывал дверь своей комнаты, не веря, что наконец-то останется в желанном одиночестве. Это застолье казалось нескончаемым, не раз ему хотелось просто встать и уйти, презрев все мыслимые приличия. Ключ тихо щелкнул, повернувшись в замке, и эльф со вздохом облегчения вошел в полутемную комнату. Закрыл за собою дверь, повернулся к окну и... замер, не веря своим глазам. В кресле, оставленном им у распахнутого окна, кто-то сидел, подобрав под себя ноги и сжавшись в комочек. И Хэлдар знал, кто этот кто-то.

– Как ты попала сюда? – ничего более достойного такого случая как-то не пришло ему в голову.

– Через окно. Все просто: узнала у мажордома, где твоя комната; дверь была заперта, а отмычку я так быстро сделать не могу. Пришлось карабкаться по стене, благо плющ тут крепкий, что твоя лестница... а окно ты сам оставил открытым.

– Понятно, – эльф, неслышно ступая, прошел через комнату и уселся на широкий подоконник. Какое-то время они молчали, не в силах произнести ни одного разумного и связного слова. Первой решила Амариллис.

– Я... я хотела поблагодарить тебя. Если бы не ты, я бы сегодня накрылась ногами при всем честном народе, а потом меня этим столом как муху бы прихлопнуло. И меня, и мою репутацию... позор и поношение! Это ведь выдра Ливайна все подстроила, верно?

– Да, – машинально ответил эльф, – это она. Послушай, не стоит благодарностей, я ведь не дракона сразил.

– Еще как стоит. Для вас легче дракона сразить, чем перед орчатской кровью на колени стать.

– Прости, это не мое дело.

– Да и не мое. Это дело моей прабабки: понесла ее нелегкая в лес по весне, сок успокой-дерева собирать. Вот и нарвалась она на костоломку... а та только проснулась, и была сильно не в духе спросонья. Ну и решила прабабкой закусить, чтобы настроение поднять. И если бы не проходил мимо орк, не было бы у Лимпэнг-Танга такой великолепной танцовщицы. Как любая нормальная девица, прабабка моя хлопнулась в обморок, при виде одновременно и костоломки, и орка. Хотя прадед был очень даже ничего, я его смутно, но помню – высокий, плечищи как коромысло, глаза золотые, на скулах – знаки клана... клыки, правда, не прятал. В общем, договорились они с костоломкой на нескольких треснувших ребрах и одной свернутой шее – костоломкиной, разумеется; а засим стал он девицу в чувство приводить. Уж не знаю, какими способами... но прабабке, судя по всему, понравилось. Настолько, что она вскорости ушла к нему насовсем, получив в приданое крепкое родительское проклятие. Мужнина родня оказалась более благосклонной, не стала ее в котле варить, а наоборот, очень даже полюбила. Вот такая история. Ты не уснул?

– Нет, – усмехнулся в темноте эльф, – не уснул. Занятные у тебя предки.

– Да уж... Дедуля, так тот вообще к пиратам подался, командовал головным кораблем у Фрагга-Освободителя.

– Охотника за рабскими галерами?

– Ага. А на одном из муспельских кораблей он нашел мою бабулю, ее везли на торги в Пойолу. Видно, мужчинам в нашем семействе на роду написано обретать своих будущих жен в самый неподходящий момент. Так вот, выковырял он бабулю из вонючего трюма... слушай, что-то я увлеклась. Вряд ли высокородного лорда Цветущих Сумерек интересует моя родня. Да и моя скромная персона – тоже. Пожалуй, мне пора. И вообще я тут ни при чем, это все мамочкино воспитание, это она приучила меня всегда говорить «спасибо»...

– Ты приходила только для этого?

– Ну конечно. Лезла по плечу в окно, коленку ободрала... и все ради того, чтобы еще раз поблагодарить остроухого за проявленную доблесть! Она встала из кресла и выпрямилась во весь рост.

– Уже поздно. Пожалуйста, пропусти меня, я, пожалуй, удалюсь тем же путем, что и пришла. А не то, неровен час, кто-нибудь увидит меня, выходящей из твоей комнаты... Ты и без того уже в Вольных Стражах ходишь, куда ж после этого – за Край Света, что ли, подашься?.. – и она решительно шагнула к оконному проему.

– Не спеши, – Хэлдар встал и шагнул к Амариллис. – Я принимаю твою благодарность, но что мне делать с твоей невежливостью?..

Почти полная луна безмятежно покоилась па темно-синем бархате небес, подобно слитку молодого серебра; ветер, пролетая над землей, старался не тревожить уснувшие деревья и лишь слегка поглаживал их пышные кроны. Замок Черного Лиса наконец-то затих, улеглись спать даже самые несносные гости; тишина затопила все вокруг, наполнила теплый воздух шорохами, вздохами, шелестами – вкрадчивая тишина летней ночи.

Хэлдар протянул руку и тихо тронул кончиками пальцев волосы Амариллис – короткие, непослушные и неожиданно мягкие. Его ладонь скользнула вглубь этого шелковистого беспорядка и плотно легла на затылок девушки, другой рукой он обнял ее, сильно и ласково привлекая к себе в объятия.

– Амариллис...

Он шептал слова нежности, все больше и больше ужасаясь их пронзительной правде; Хэлдар со страхом и восторгом осознал, что их рождает его сердце – надменное, гордое сердце эльфа; и после первого же прикосновения ее губ к его щеке он почти услышал, как треснула корка льда на этом сердце, и стала осыпаться мелкими осколками, безвозвратно тая, оставляя его беззащитным и счастливым.

– Ведь уже ничего не изменишь, правда? Это случилось, и я не знаю, что мне с ним делать. Как я буду теперь просто ходить, когда я могу летать?

Они стояли, крепко обнимая друг друга, словно ища поддержки и защиты. Остановилось время, пропали, истаяли каменные стены, притихли даже вечные звезды – они остались совсем одни, и их объятие стало на миг самым главным во всем мироздании.

...Амариллис лежала на животе, подпирая подбородок кулачком, накручивая на палец длинную серебристо-пепельную прядь эльфийских волос.

– Хэлдар, сделай милость, не откажи мне в одной маленькой просьбе.

– Сделать так, чтобы карета Ливайны опрокинулась в грязь?

– Вообще-то я имела в виду совсем не это, но идея неплохая. А что, ты на такое способен?

– И не только на такое... Иди сюда, – и он притянул ее к себе.

– Постой... да где же твоя хваленая эльфийская холодность?

– А я ее смыл, в воде Быстрицы. Не брыкайся, девочка, вот так. И что же это за просьба?

– Да так, мелочь... Но ты все-таки отпусти мне одну руку, ну пожалуйста... Я хотела попросить разрешения потрогать твои уши, они такие забавные и милые.

– Ах вот что. Разрешаю, – и Хэлдар, улыбаясь, наклонил голову. Но как только пальцы Амариллис приблизились к его уху, он сделал резкое движение, словно намереваясь куснуть дерзких пришельцев. Амариллис ойкнула и поспешно отдернула руку, и они оба засмеялись.

– Эй, не советую, – все еще смеясь, пригрозила девушка, – не буди во мне кровь предков!

После таких слов они какое-то время всерьез пытались выяснить, кто же из них сильнее и изворотливее: возились как дети, счастливо и бездумно пыхтя. В итоге Амариллис все же пришлось признать себя побежденной и сдаться на милость победителя. Она перевернулась на спину и потянулась, выгибаясь как ивовая веточка, навстречу его объятиям. Хэлдар смотрел на нее, залитую серебряным светом ночи, чувствовал, как впиваются ему в спину ее пальцы, слушал ее неровное, прерывистое дыхание... Девушка, всего только смертная девушка – Амариллис дарила ему неведомое прежде наслаждение. Она представлялась ему то хрупким, белоснежным цветком, чьи лепестки он раскрывал ласковыми, осторожными прикосновениями; то вдруг ее тишина взрывалась яростным пламенем, в котором, как бабочка, горела его нежность...

Уже на исходе ночи она уснула, свернувшись клубочком в его объятиях, а он все медлил, гнал сон прочь, чтобы еще раз погладить нежное прохладное плечо, поцеловать теплый, взъерошенный затылок.

Проснулся он как от резкого толчка в грудь, вздрогнув, рывком приподнялся – кроме него, в комнате никого не было. В распахнутое окно бесцеремонно врвался холодный предутренний ветерок, комнату заполнял невнятный, неверный предрассветный час. Хэлдар сел на постели, с силой провел ладонями по лицу, прогоняя остатки дремы. Это было? – спрашивал он сам себя, и не знал, что ответить. Удивительное чувство, когда двое становятся одним прекрасным целым, счастье взаимного обладания, еще вчера представлявшееся ему невозможным, – уж не приснилось ли все это ему? Чудесный сон, навеянный танцем Амариллис... Эльф со вздохом опустил голову, повернул голову и увидел на соседней подушке короткий, светло-золотистый волос. Это... было?!

Хэлдар торопливо оделся в походную одежду Вольного Лесного Стража, не обращая ни малейшего внимания на валяющийся на полу роскошный камзол, который он немилосердно топтал. Бурого цвета штаны, легкие сапоги, зеленая рубаха и серебристо-зеленая куртка, серый

плащ; резную фибулу в форме кленового листа он застегивал, уже спускаясь по лестнице. По-прежнему не понимая – и не принимая – своего порыва, но и не в силах противиться ему, он выбежал из замка и в растерянности остановился; постояв немного, но так и не собравшись с мыслями, направился в сад.

Сад уже начинал просыпаться, поеживаясь в ледяной росяной ванне; пробовали голоса птицы, настраиваясь на долгий безоблачный день. Хэлдар, остановившийся возле той самой липы, недолго оставался в одиночестве. Его слух уловил шелест шагов, и через минуту рядом с ним появился Черный Лис Гэлвин.

– Доброго вам утра, господин эльф. Раненько же изволите вставать.

– Доброго утра и вам, господин барон.

– Вижу, вы тоже оценили мою красавицу липу. Я, знаете ли, частенько обременяю ее своим обществом, мне здесь как-то по-особенному думается. Делать выбор всегда трудно, тем более, когда столь многое ставится на кон, и вся прежняя жизнь встает на дыбы...

– О чем вы, барон?

– Да так, ни о чем, не обращайтесь внимания на мою старческую болтовню. И все-таки, согласитесь, что последовать за поманившей мечтой – крайне неразумно и как-то несолидно, однако только этот выбор и будет истинным, господин эльф... сердце не лжет. Конечно, всегда можно уйти в сторону с незнакомого пути, предпочесть традицию и правило – это разумно и достойно, но сделает ли это счастливым хоть кого-то?

Барон тяжело вздохнул, словно припомнил что-то грустное и невообразимо далекое, и, по-прежнему не обращаясь к собеседнику, сказал:

– Они уехали еще до света, им нужно торопиться; и так задержались ради старинной дружбы с Черным Лисом. Храмовую труппу Лимпэнг-Танга ждут в Эригоне, на празднике Пятого Лета. Я велел оседлать вам коня. Прощайте, Хэлдар, и не просите пощады у Любви...

Эльф молча поклонился хозяину замка, повернулся – и уже через полчаса белогривый Искрень уносил его на восток, по старой дороге, в Эригон Баснословный.

Амариллис лежала, укутавшись в свое любимое пушистое одеяло, прислушиваясь к перестуку копыт лошадей, везущих их «девчоночий домик», из последних сил борясь с желанием сказать какую-нибудь грубость Рецине и Кριοлле, старательно притворявшихся спящими. В тот момент, когда она почти уже была готова поинтересоваться у Рецины, с каких это пор она перестала храпеть, как гнусавый мастодонт, в их повозку на ходу взобрался еще кто-то.

– Ами? – это был низкий голос Веноны.

– Да здесь я... А ты чего заявила? – раздраженно прошипела Амариллис.

– Возьми, – пропустив мимо ушей ее слова, сказала Венона, усаживаясь рядом и протягивая ей небольшой флакончик, – и сейчас же выпей. Это настойка горчухи.

Не возражая, Амариллис протянула руку, ощупью нашла в темноте флакон, поднесла к дрожащим губам и, запрокинув голову, выпила. Горькая, ароматная жидкость обожгла ее горло, растеклась вязущим теплом внизу живота... Амариллис резко выдохнула, едва не закашлявшись, повернулась на живот и, словно развязав внутри себя какой-то узел, заплакала. Слезы, обжигающие не хуже горчухи, запутывались в ресницах, жгли щеки. На вздрагивающие плечи Амариллис легла рука Веноны.

– Плачь, моя девочка, плачь, слезы смывают печаль с сердца.

– Ничего подобного, – это был голос Рецины, – ничего они не смывают, только размазывают. Так что не реви, дружок, и ни у кого не проси пощады, даже у Любви.

А Кριοлла молча протянула руку, отыскивала в теплой темноте возка голову подруги и погладила ее взъерошенные, не желающие расти волосы.

Глава вторая. Дети Лимпэнг-Танга

Арколь хотел есть. Кроме этого, он был зол, смущен и растерян. Но все-таки больше всего он хотел есть. Мальчик знал, что если он как следует сосредоточится, забудет о невообразимом шуме, производимом горластыми продавцами, о допекающей его жаре, о всех своих тревогах и превратит свое желание в туго натянутую, звенящую струну – он получит этот горячий, истекающий сладким маслом пирожок. А потом еще один. И еще – сколько будет нужно. И никто ничего не заметит. Арколь прикрыл глаза, замер, и в этот момент почувствовал на своем плече чью-то руку. Он вздрогнул, оглянулся и увидел стоящего рядом шаммахита в невероятно белой – это в рыночной-то толчее! – джеллабе и небольшом белом же тюрбане; на золотисто-смуглом лице шаммахита сверкали синие глаза. Он успокаивающе сжал плечо Арколя и негромко промолвил:

– Мудрец говорит, что насыщение благородного мужа – в воздержании. Но я думаю, что ему или никогда не случалось по-настоящему проголодаться, или он страдал жестокими желудочными болями. Уважаемый, – и он кивнул продавцу сладостей – положите нам пяток пирожков с изюмом, пяток пончиков – тех, что на кунжутном масле, и пяток медовых булочек. Этого хватит, чтобы ты дотерпел пару часов до обеда?

Совершенно растерянный, Арколь молча кивнул, взял протянутый ему горячий сверток и, недолго думая, принялся уписывать за обе щеки. Шаммахит расплатился с продавцом и жестом предложил мальчику следовать за ним. Продолжая жевать, Арколь заспешил по пятам нежданного благодетеля, раздумывая о том, что тому от него может понадобится и почему он, первый приютский пройдоха, не в силах даже подумать о том, чтобы попросту удрать.

Они миновали шумные торговые ряды и вышли на одну из тех улочек, что вытекают из площади, словно нитки из пестрого клубка. Шаммахит остановился перед входом в какую-то захудалую лавочку и обратился к своему жуящему спутнику:

– Здешний хозяин, конечно, жулик и надувала, но сад свой обустроил замечательно. А кроме того, его жена бесподобно готовит розовую воду со льдом. Пока ты доедаешь пончики, я смогу удостовериться в качестве нужного мне товара, а потом мы посидим спокойно в тени и прохладе... и поговорим. Ты согласен?

– Угу. – Более осмысленных звуков набитый рот Арколя издать не смог.

– Тогда прошу следовать за мной и не слишком тарашиться на почтенного хозяина.

Когда аш-Шудах уладил свои дела с лавочником (жутко кривоногим, скособоченным обладателем носа, похожего на клюв аиста), он присоединился к Арколю, сидевшему под тенью старого раскидистого дерева на покрывале с множеством расшитых подушек. Устроившись поудобнее, он отпил глоток ледяной воды из узкого стеклянного стакана и с облегчением вздохнул.

– Слава Вседержителю, мои сомнения не оправдались. А иначе все труды пошли бы под хвост моему любимому коту.

– Вы – шаммахит? – ни с того, ни с сего и без малейшего намека на почтительность поинтересовался Арколь.

– Тебя так волнуют вопросы происхождения? Что ж, это понятно... Да, я шаммахит.

– А тогда почему у вас глаза синие? – еще более невежливо осведомился мальчишка.

– Дерзость, порожденная страхом, простительна... – усмехнулся аш-Шудах и опустил на мгновение веки. Когда же он поднял их, то глаза его были угольно-черными – как у любого природного шаммахита. И как у Арколя.

– Вот это да... – изумленно вытаращился Арколь. А аш-Шудах снова закрыл глаза и снова открыл – на этот раз прозрачно-зеленые.

– Ничего особенного, – сказал он, возвращая глазам черный цвет, – таким образом я добиваюсь избирательности. Почувствовав тебя, я был поражен твоей стихийной силой и захотел увидеть ее более отчетливо. Отсюда и синий цвет – он позволяет лучше улавливать всевозможные магические эманации.

– Вы – маг? – уже гораздо более уважительно осведомился Арколь.

– На то была воля Вседержителя. А теперь позволь и мне задать тебе вопрос. Ты – эльф?

– Ага... и наследник престола Ирема впридачу. Где вы видели эльфов с черными глазами?

– Если честно, то никогда и нигде. Но и шаммахитов с острыми ушами тоже не встречал. Ты ведь полукровка, верно? По всей вероятности, сын эльфийки и шаммахита...

– Ну и что в этом такого? – буркнул Арколь.

– Да ничего особенного. Я, собственно, тоже полукровка. Мама была истинной дочерью Шаммаха...

– А отец? Эльфом, да?

– Нет, мой мальчик. Он был богом.

Вот так и получилось, что Арколь-остроухий, сбежавший из приюта Дочерей Добродетели – да вострепещет пред ними преисподняя, куда им давно пора провалиться! – попал в ученики к аш-Шудаху, величайшему из магов Шаммаха. Аш-Шудах нянчился с ним, как с собственным сыном. Он привел четырнадцатилетнего мальчишку в свой дом, вытряс из его головы остатки приютского убожества и страха, и поначалу позволял только есть досыта да дурачиться. И только когда Арколь перестал лазать по ночам на кухню, а также прятать куски пшеничных лепешек под подушки, маг приступил к его обучению, ставшем удовольствием как для учителя, так и для ученика. От матери-эльфийки Арколь унаследовал способность ощущать потоки природных сил и использовать их, а от отца-шаммахита – остроту реакции, точность удара и вспыльчивость. Аш-Шудаху пришлось изрядно поработать, прежде чем он привел весь этот хаос способностей и качеств в состояние относительной гармонии.

– Успокой свое сердце и прохлади глаза, сын мой. Это была не самая ценная вещь в моем доме. Попробуй еще раз, и очень прошу тебя – престань представлять себе на месте левитируемой вещи сестру... как ее там?

– Толстуха Маго.

– Вот именно. В противном случае ты так и будешь вертеть объект воздействия волчком и выстукивать им стены. Пойми, Арколь, эмоции могут понадобиться при усилении заклинания, но не при его первичном осуществлении. А теперь попробуй поставить вот эту розу во-он в ту вазу.

– Плохо, Арколь, никуда не годится. Если бы это был настоящий обессиливатель, ты давно уже лежал бы, уткнувшись носом в сапоги противника. Одной точности удара мало, это должен быть именно удар, а не касание.

– Учитель, ведь вы сами всегда мне говорили, что я должен сдерживать эмоции...

– Верно, сын мой. Но для чего, как ты думаешь?

– Наверное, для того, чтобы хоть одна ваза в доме уцелела.

– Хвала Вседержителю, сын мой, я в состоянии скупить все вазы Шаммаха и не обнищать. Сдерживай чувства, дабы стали они подобием натянутой тетивы, и тогда стрела твоей воли сокрушит любое препятствие. Ты ведь злопамятен, как эльф. Вспомни, например, как тебя пороли.

– Ха-а-ахх!!!... Ой... – вырвавшаяся из сузившихся глаз подростка черная молния разнесла в мелкие осколки стоящий на мраморном столике стеклянный шар... а заодно и сам столик.

– Я не хотел, Учитель.

– Ничего, мой мальчик. На этот раз получилось не так уж плохо. Ступай-ка ты в сад, поработай с абрикосами, с теми, недозревшими.

– А вы, Учитель?

– Я?! А я, пожалуй, займусь подсчетами, хватит ли моих скромных средств на все мраморные столики.

– Клянусь каменными клыками Краглы, Арколь, что ты себе позволяешь?! Ты уже не ребенок, чтобы так дурачиться! И кроме того, я еще не давал тебе разрешения самостоятельно пользоваться Залой Большого Пантакля! Ну чем тебе не угодили эти несчастные паломники, что ты перенес весь странноприимный дом на место самого дрянного марутского борделя... кстати, а куда ты отправил сам бордель? Неужели?.. Негодник! На площадь перед Святилищем Десяти Добродетелей!.. О священные длани Вседержителя! Но зачем, сын мой?!

– Не сердитесь. Учитель, я не хотел вас огорчать. Просто я шел вчера мимо сбродного дома и увидел...

– Уж не толстуху ли Маго?!

– Ага, ее. И еще сестру Цинеллу, она так любила добавлять соль в воду для вымачивания розог. В кои-то веки выбрались бедняжки из своего захолустья, решили попутешествовать...

– А ты добавил им остроты ощущений, подсоллил, так сказать. Только одно, Арколь: ты перенес дом утром или на ночь глядя?

– Помилуйте, Учитель, кто же идет в бордель утром?

– О небо... Ладно, иди уж... – аш-Шудах не мог сдержать смеха, – сделай ночью обратный перенос, да поаккуратнее!

Прошло восемь лет. Арколь вырос, превратившись из голодного приютского мальчишки в молодого талантливого мага. Все это время он провел под кровом аш-Шудаха: он много занимался, с искренним удовольствием помогал учителю в его теоретических разысканиях или небезопасных опытах, и таким же удовольствием развлекался в Маруте Скверном...

– Вот ты где, Арколь, – сказал аш-Шудах, входя в библиотеку, занимавшую добрую половину его дома, – отложи сей пыльный фолиант, сын мой. Поверь мне, его автор – редкостный зануда, поставивший перед собой грандиозную задачу: доказать осуществимость межвидового скрещивания без магического воздействия.

– Учитель, но ведь это бред какой-то...

– Вот и я ему то же самое говорил, ослу нильгайскому...

– Как говорили? Он же умер пятьсот лет назад! Вот уж не думал, что вы такой древний, неплохо выглядите для своих лет. А то, может, прикажете поддерживать вас под ручку?

– Я тебе поддержу... Оставь свои штудии и собирайся: мы едем в Миср, там скоро большой торг и я хочу сделать тебе подарок.

Миср, центр шаммахитской работорговли, был похож на просыпанную на побережье горсточку сахарного песка – крыши домов, купола храмов, полотняные палатки рынков – все было ослепительно белым. От Пойолы, где муспельские ублюдки разгружали, сортировали и оценивали свой живой товар, город отделял узкий пролив, именуемой проливом Слез – обычная морская вода была в нем настолько соленой (возможно, от пролитых здесь бесчисленных слез), что в ней невозможно было утонуть, она силком выталкивала тело на поверхность. И перевозимые на огромном пароме вчерашние вольные люди с тоской и укоризной смотрели на воду, отказавшую им в последней надежде на смерть в свободе...

Аш-Шудах и Арколь пробирались между рядами и палатками рабского рынка, наконец, маг остановился и сказал своему приемному сыну:

– Мы пришли. Это место краснобородого Коатля, а у него всегда самые красивые рабыни. Молчавший до этого времени, Арколь заметно смущаясь, ответил:

– Учитель, я... простите, я не хочу вас обидеть, но мне все это не нравится...

– Так оно и должно быть, сын мой. Мы не в силах изменить весь миропорядок... пока... но ты можешь распорядиться участью одной из них. Выбирай.

И они вступили под белый полотняный навес. На невысоком помосте сидели и стояли девушки, почти все красивые и испуганные. Арколь внимательно огляделся и сказал магу:

– Отец мой – да будет на все ваша воля – она стоит третьей справа.

Аш-Шудак глянул в указанном направлении и недоуменно воззрился на Арколя.

– Сын мой, чем ты смотришь? Ведь она похожа на облезлого бельчонка! Может, ты имел в виду ее соседку, ту, что сидит?

– Нет, учитель, именно ее... бельчонка.

– Но почему, Арколь? – допытывался аш-Шудак, – Думаю, ты давно догадался, что я привез тебя сюда затем, чтобы ты выбрал себе наложницу, красивую и послушную, и прекратил, наконец, тратить все свои деньги на марутских девиц.

В этот момент к ним подошел – вернее сказать, подкатился – краснобородый Коатль собственной персоной.

– Хвала небу за столь высокочтимых покупателей! Чем я могу вам услужить, о достойнейший?

– Послушай-ка, Коатль, – обратился к нему аш-Шудак, – что ты скажешь вон о той девчонке в голубеньком хитоне, а?

– Не могу не удивиться вашему выбору, о светлейший, прошу вас, подойдите поближе, может, вы измените его. Рума, выйди вперед! Рума, я кому сказал! Ах ты дрянная девчонка!

– Не напрягайся так, достопочтенный Коатль, – насмешливо заметила облезлая и дрянная, – не то удар хватит. Пора бы тебе уже запомнить мое имя, равно как и то, что я не откликаюсь на наспех данные клички.

– А каково твое подлинное имя, дева? – улыбаясь, спросил аш-Шудак.

– Меня зовут Амариллис. – Здрава нос чуть не до потолка, ответила она.

– Вот видите, досточтимые, – искрение пожаловался Коатль. – ведь она меня эдак всю дорогу шпыняет. Да что это я говорю! Это она так, притворяется, а на самом деле – смиреннее курочки, нежнее лани, словечка поперек не скажет! А волосы у нее растут очень быстро, оглянуться не успеете, как снова коса будет до пояса!

– Ну ты и врать горазд, Коатль, – с восхищением протянула Амариллис, – даже я так не смогу! И как тебе только не стыдно так бессовестно обманывать покупателей! Нет, я конечно, могу притвориться курочкой – и она скорчила преглупую рожу – но вот насчет волос ты перегнул...

На торговца было жалко смотреть – он напоминал индюка в момент любовного упоения: раздувшийся, натужно пыхтящий красный шар в пестрой шапочке.

Аш-Шудак внимательно – внимательнее, чем прежде – смотрел на девушку. Невысокая, сероглазая, на голове – волнистый беспорядок коротких волос, голубенький хитон обрисовывает легкую фигурку.

– Почему она, Арколь? – спросил он на одном из тайных наречий, вряд ли знакомом девушке.

– Она не такая, как все. Посмотрите, отец мой – да осенить вас длань Вседержителя! – как смотрит ее соседка: она ищет себе хозяина, ее глаза заискивают и боятся. А эта глядит так, будто не ее покупают, а она сама выбирает, с кем пойти. Она особенная, учитель, я это вижу...

– Сын мой, вы с ней подружитесь, но не больше. Вы слишком похожи...

– Учитель! Если вы не выкупите ее сейчас же, то я... я не знаю, что сделаю! И потом, ну чем вам так не угодили марутские девицы?! Лично меня они вполне устраивают!

Аш-Шудак засмеялся и похлопал Арколя по плечу.

– Так что же у тебя с волосами, дева?

* * *

– Нам пришлось их остричь, детка... и вряд ли они отрастут снова.

– Это не самое страшное, правда?... – речь все еще с трудом давалась Амариллис, даже такое ничтожное усилие, как шевеление губами, отзывалось короткими, болезненными судорогами во всем теле, измученном жестокой болезнью.

– Тебе лучше помолчать, моя дорогая, – сестра Тилита осторожно убрала со вспотевшего лба девушки непослушную прядь светлых волос, – твое выздоровление только началось, и понадобятся все силы, которыми снарядила тебя природа, дабы оно успешно завершилось. Постарайся уснуть... – она укрыла Амариллис одеялом, благословила ее и неслышно отошла.

Прошло несколько недель. Силы возвращались к Амариллис, и обычная прогулка по обители перестала требовать от нее мучительных усилий; теперь она могла позволить себе удовольствие хоть чуточку помогать тем, кто вернул ее к жизни: подать прищепки сестре, развешивающей белье, почистить фасоль или потолочь пряности в поварне, заправить душистым маслом кадилабницы в Храме Добродетелей... Иногда Амариллис выходила за широкие, вечно распахнутые ворота монастыря, усаживалась на почерневшую и окаменевшую от времени деревянную скамейку и смотрела туда, где совсем недавно была вся ее жизнь.

...Теперь там была вода. Нижний Город (не самую плохую часть Свияра, разрезанного пополам бесноватой Каджей) словно накрыли огромным зеркалом ртутно-серого цвета. Порой Амариллис казалось, что так было всегда – только застывшая водная гладь, расшитая блестящими солнечных бликов; прошлая жизнь представлялась уютным предутренним сном: дом... отец, мама, старшие братья и глупый щенок Облай, высокие потолки и светлые стены... внизу – ювелирная мастерская, где обжигает ноздри запах нагретого металла, наверху – мамино царство натертых полов, накрахмаленных скатертей и свежеспеченных булочек. Будто и не с ней это было: заглядывание под руку отцу, выюющему морозные узоры из серебряных проволочек, шумные драки и нежнейшие примирения с братьями, пререкания с мамой по поводу плохо выглаженного белья, глупая болтовня с подружками, первый вышитый воротник – отцу в подарок...

Даже на совесть построенные дамбы не выдержали двух подряд лавин с Безымянного хребта; жаркое весеннее солнце превратило снег в воду, и она смела весь Нижний Город, как чистоплотная хозяйка аккуратно сметает крошки с обеденного стола. Амариллис спаслась чудом; почти треть суток она провела в холодной воде, вцепившись в невесть откуда взявшийся стул со старым, пропахшим дрянным супом засаленным сиденьем. Она не помнила ничего – ни как попала в воду, ни где ее родные... память сохранила только бесконечный холод, боль в мучительно скрюченных пальцах, да тошный суповой запах. Как и других немногих выживших в наводнении, ее поставили на ноги Дочери Добродетели.

– Как я понимаю, хоть и небольшой, но выбор у меня все-таки есть – или остаться здесь и принять постриг, или найти работу и положить конец этому дармоедству.

– А как понимаю я, выбор этот ты уже сделала.

– Ага... но как я буду искать эту самую работу?! Я хоть и не графская дочь, но в батрачки идти как-то не хочется. Что я умею? Первым делом – вышивать, шью тоже не худо, в доме прибираться, не так хорошо, как мама, но все ж таки, готовить... нет, не люблю, жарко слишком и руки вечно в каком-нибудь жире. А больше всего я люблю танцевать. Вот так.

– Не так плохо, дитя мое, – выходящая девушку сестра Тилита отхлебнула глоточек травяного чая и откинулась на спинку стула. – Но с танцами придется подождать. Срок траура еще не истек.

– Если я буду носить траур по всем правилам, то моя портниха испортит себе зрение неизбывно черным цветом, а лавка, поставляющая траурные ткани, безбожно обогатится на моих

заказах, – Амариллис резко встала, отошла к окошку и остановилась спиной к собеседнице. – Я знаю, что моей семье вряд ли понравится, если я стану изображать из себя похоронную лошадь: вся в черном, а остатки волос сойдут за белый плюмажик... Фрон и Трай терпеть не могут, когда я плачу... и папа с мамой всегда говорили, что я родилась им на радость. Разве могу я их разочаровать?! Вот она я, живая... а смерть пусть подавится... – плечи ее предательски задрожали, и она замолчала.

– Знаешь, на прошлой неделе у нас в странноприимном доме остановился один мой очень дальний родственник. Он советник магистрата Маноры, – снова заговорила через несколько минут сестра Тилита, – и скоро выдает замуж свою единственную дочушку. Поэтому ей срочно понадобилась своя, личная горничная, умеющая хорошо шить – чтобы побыстрее управиться с приданым, и согласная ехать вместе с хозяйкой в Арзахель – она идет за какого-то тамошнего барончика, там этого добра – как грязи в распутицу. Все расходы на гардероб и дорожные издержки он берет на себя; плата тоже неплохая – пять золотых в месяц. Если подобные условия тебя устраивают, он будет ждать завтра, сразу после первой утренней трапезы. Да погоди ты обниматься, может, он тебе и не глянется...

– Если он глянулся вам – а иначе вы бы мне ни словечком о нем не обмолвились – то уж не мне нос воротить! Спасибо вам, спасибо за все.

– Не за что, дитя мое. Признаться, я привязалась к тебе, может, даже больше, чем позволяет наше Правило Беспристрастия. Я буду молиться за тебя... ну, будет, будет тебе...

Советник магистрата Маноры оказался пожилым, благопристойным господином; с Амариллис он обращался вежливо, с расспросами о прошлой жизни не лез, с неприличными предложениями – тоже. Чего же еще? Его дочь, Литана – пышный, роскошный цветок, облаканный солнцем Юга – приняла новую горничную очень даже приветливо, а когда узнала о ее незаурядном даре вышивальщицы, так и вовсе отдала в ее руки весь свой гардероб, и почти каждый вечер угощала пирожными и чувствительными разговорами. Чего же еще? Манора, похожая на пестрого и крикливого попугая, сумела согреть сердце Амариллис в своих смуглых, прокаленных солнцем ладонях, безалаберные песни под бречание гитар вытеснили из ее памяти утробные звуки булькающей под сиденьем стула воды, и море здесь было такое теплое, отрадно-зеленое... Чего же еще?

На третий день плавания по морю Покоя их корабль был с поразительной легкостью взят на абордаж муспельскими пиратами (возможно, легкость была обусловлена тем, что накануне ночью помощник капитана, соблазненный звонким золотом, вышвырнул все содержимое крюйс-камеры за борт). Амариллис вместе с вцепившейся в ее руку мертвой хваткой Литаной, потерявшей от вполне понятного страха всякую способность к рассуждению, отправилась в душное брюхо трюма.

Потом была Пойола – самое отвратительное место во всем Обитаемом мире, разве только за Краем Света, в Незнаемых Землях, найдется что-нибудь похлеще – несколько огромных барачков для живого товара, ждущего отправки в Нильгау или в Шаммах, кучи гниющего мусора, а в качестве украшения – пара заблеванных трактиров возле паромной пристани. Потом – предварительный торг в Мисре, где Амариллис купил краснобородый Коатль. Сказать по правде, это была незапланированная покупка, поскольку девушка даже наполовину не соответствовала его идеалу красивой рабыни (маленькая грудь, короткие волосы, насмешливый взгляд – безнадежное сочетание...); вот только купленная в жарком торге пышногрудая, длинноволосая и большеглазая Литана никак не желала отпускать руку своей горничной. Коатль очень быстро понял, что придется либо оторвать эту руку, либо купить уж еще одну девицу... в качестве довеска. Немного поразмыслив и кое-что сообразив («А в знак нашего безграничного почтения к достойнейшему покупателю мы бесплатно отдаем ему любимую служанку

красавицы!»), торговец снова запустил руку в кошель. И каково же было его удивление, когда действительно достойнейший (а Коатль такие вещи просекал очень четко) покупатель остановил свой выбор именно на этой белке с облезлым хвостом.

– Ты знаешь, а ведь я даже не очень удивилась тому, что ты решил меня вызволить. Как будто только так и должно было произойти. Нет, я довольно честно настраивала себя на роль служанки-вышивальщицы при какой-нибудь толстой шаммахитке – и это было самым лучшим из рассматриваемых мною вариантов! О худших вспоминать не хочу. И все равно будто ждала чего-то... да бабулю вспоминала.

– Да уж, предки у тебя занятные. Будь добра, подкинь мне персик и ходи уже, сколько можно думать!

– Лови... и не торопи меня, не люблю.

Арколь и Амариллис сидели в одном из покоев дома аш-Шудаха и играли в махшит – игру, заключающуюся в передвижении трехцветных агатовых фигурок по довольно сложному узору, нарисованному на деревянной доске, целью игроков было достижение той точки, из которой начинал виться узор. Амариллис научилась этой игре сравнительно недавно, но это не мешало ей раз за разом обыгрывать своего более опытного партнера. Прошло уже более трех месяцев с того дня, когда аш-Шудах, отсчитав не слишком большое количество золотых монет в бездонный кошель Коатля краснобородого, стал хозяином «облезлой белки».

Сразу же по прибытии в Ирем – а надо сказать, что во время этого путешествия Амариллис и Арколь болтали столько, что переплюнули всех манорских попугаев, вместе взятых: она впервые за много месяцев называла имена родителей и братьев, и взахлеб рассказывала о своем доме, он – впервые не стеснясь и почти без злости – описывал ей свое сиротское детство и, только что не лопаюсь от важности, повествовал о своих успехах в магии («А Учитель и говорит мне: «Немедленно верни статую на место! она хоть и сомнительное, но все ж таки единственное украшение храмового фронтона!»); а потом они начинали спорить, до хрипоты и до взаимных оскорблений – и все из-за смиренных Дочерей Добродетели, тогда в беседу (вернее, в ругань) вступал аш-Шудах и переводил ее в более безопасное русло, кстати сказать, его предсказание сбылось – Арколь и Амариллис подружились... но и только – да, так вот по прибытии в Ирем маг дал девушке вольную и оставил в своем доме.

Амариллис снова пришлось привыкать к новому городу, вернее, к новой стране. Шаммахитский язык она освоила с магической помощью Арколя за пару недель, и говорила с милым северным акцентом, превращая все гортанные звуки в твердые согласные и иногда проглатывая сдвоенные гласные. Опять же с помощью – но уже не магической – Арколя она освоилась в Иреме Многодивном; поглазела на все достопримечательности Харута Высокого и, несмотря на неодобрение аш-Шудаха, сделала несколько вылазок в Марут Скверный (эти два квартала столицы Шаммаха, разделенные неторопливой Лаолой, единоводной сестрой Лиала, вот уже несколько столетий подряд замечательно сосуществовали рядом друг с другом – вероятно, благодаря разводным мостам, неизменно размыкавшимся с наступлением темноты). Она загорела, посвежела, научилась с изяществом носить джеллабу и головную накидку, и почти перестала плакать по ночам.

– Арколь, я, пожалуй, спасу тебя от неминуемого поражения. Пожалуйста, пойди посмотри за приготовлением стотравного эликсира, не перегрелся бы, как в прошлый раз, – аш-Шудах выразительно посмотрел на ученика и тот, отвесив наипочтительнейший поклон, удалился.

– Угодно партию в махшит? – осведомилась Амариллис, ставя фигурки в первоначальный порядок.

– Угодно поговорить с тобой, дева. Не красней, о твоём ночном визите я не скажу более ни слова. Речь пойдет о твоей дальнейшей судьбе.

– Вот как, ни больше, ни меньше?

– Именно так. И за что только Вседержитель ниспослал тебя на мою голову.

– За грехи, наверное...

– Я столько не грешил. С Арколем было понятно сразу – он маг, маг по рождению и призванию. А что мне делать с тобою – ума не приложу. Замуж тебе еще рано, к магии нет ни малейших способностей.

– Зато я хорошо вышиваю, а танцую еще лучше.

– Что ж, давай проверим. Сегодня вечером нас ждут в школе танцев при храме Нимы. Не струсил?

– Еще чего... – и Амариллис задрала подбородок вверх. На самом же деле она не на шутку испугалась. При храме Нимы Сладкогрудой, одной из наиболее почитаемых в Иреме второстепенных богинь, была знаменитая школа танцовщиц, попасть в которую было едва ли не сложнее, чем в сокровищницу властителей Шаммаха.

Глава третья. «Стойка и пауза» – и еще пять правил школы Нимы

Храм Нимы находился на одном из многочисленных холмов Харута; изящное, невесомое здание бело-розового мрамора окружал тщательно ухоженный сад. Амариллис шла по дорожке, посыпанной золотистым песком, рассматривала затейливый узор на плаще идущего впереди аш-Шудаха и тщетно старалась побороть дрожь в коленках. Наконец они оказались перед фронтоном храма, украшенном скульптурными изображениями нежнорукой Нимы и ее весьма многочисленных возлюбленных в самых замысловатых позах.

Они поднялись по гладким каменным ступеням и оказались в прохладной зале, где их уже ждала госпожа Эниджа, хозяйка школы танцев. Эниджа – немолодая, сухопарая, прямая как спица шаммахитка – почтительно поздоровалась с аш-Шудахом, не обратив ни малейшего внимания на замершую у входа девушку. Обменявшись с магом несколькими фразами, она ненадолго вышла и тут же вернулась, неся в ладони прозрачный кристалл размером с каштан. С поклоном передав его аш-Шудаху, танцмейстерша подошла к Амариллис и приветливо обратилась к ней:

– Добро пожаловать, дитя мое. Твой господин сказал мне, что ты никогда не училась танцу специально, и это даже хорошо – не придется устранять ненужные навыки. Пожалуйста, просто покажи мне, как танцуют у тебя на родине, но сначала напой мелодию, под которую ты хочешь танцевать.

– Здравствуйте, госпожа Эниджа, а кому напеть, вам?

– Нет, не мне, а вот этому камешку, – и Эниджа указала на кристалл, который рассматривал маг.

Амариллис подошла к аш-Шудаху, приняла от него сверкающий камень и ободряющую улыбку, смущенно улыбнулась в ответ и, подумав немного, пропела припев одной песенки, которую слышала еще от бабушки.

Кристалл неожиданно задрожал в ладони Амариллис и мгновенно взлетел в воздух, застыв на уровне глаз девушки. От неожиданности она ойкнула и отпрянула в сторону.

– Не бойся, – это говорил аш-Шудах, – Хранитель Мелодий принял тебя, это очень хороший знак. Теперь надо лишь вспомнить и почувствовать ту музыку, которая тебе нужна... и танцевать.

Амариллис собралась с духом, вышла на середину залы; кристалл же следовал за нею, слегка покачиваясь в воздухе. Девушка вздохнула, расправила плечи, повела перед собой руками, словно раздвигая невидимый занавес – и в этот момент зазвучала напетая ею мелодия, и она, не в силах сопротивляться ее нежной силе, начала двигаться. Сначала несмело, потом все легче и быстрее; ее руки действительно становились похожи на ивовые ветви, о которых пелось в песне, – гибкие, манящие, тонкие, а тело словно клонилось под порывами весеннего ветра... Совершенно забыв о двух своих зрителях (да и о цели визита тоже), Амариллис порой начинала подпевать кристаллу и самозабвенно кружилась по зале, как когда-то кружилась по зеленым лугам Свияра. Она действительно очень любила танцевать... еще в той, прошлой, жизни ее не раз выбирали королевой хоровода и любой парень мечтал встать с нею рядом под задорные звуки музыки, чтобы крепко, обеими руками взяв за талию, поднимать ее высоко-высоко, и принимать затем в свои объятия... а потом, под финальные переливы колокольчиков, всласть накружить на руках... Музыка затихла, и девушка остановилась, растерянно опустив руки.

– Вы были совершенно правы, о многославный. Я принимаю вашу воспитанницу в школу, – госпожа Эниджа улыбалась и выглядела очень довольной. – Прошу вас, пройдем во внутренние покои.

Втроем они прошли через незаметную боковую дверь, миновали тенистый дворик и оказались перед небольшим двухэтажным домом, с белоснежными стенами, увитыми темно-зеленым плющом с крупными пурпурными цветками. Из распахнутого окна нижнего этажа доносилась тягучая музыка Шаммаха.

– Вечерние занятия закончатся через несколько минут, – обратилась к своим спутникам Эниджа, – и я смогу познакомить тебя с твоими будущими подругами, – и она ласково дотронулась до плеча Амариллис.

– Ты можешь не бояться, в школе Нимы никто и никого не обижает, за агрессию и нетерпимость наказание одно – исключение. Так что наши девушки предпочитают дружить.

– Я останусь здесь насовсем? – и Амариллис посмотрела на аш-Шудаха чуть ли не жалостно. – Отсылаете, да?

– Не совсем, – усмехнулся в ответ маг, – ты будешь жить здесь, поскольку занятия в школе проводятся каждый день по два раза и из дому ты просто не набегашься. Но раз или два в неделю ты сможешь приходить домой, и уж так и быть, на это время я буду отпускать Арколя, дабы вы не умерли в разлуке. Но на ночь будешь возвращаться сюда. Мне так будет спокойнее.

– Учитель... – и Амариллис мучительно покраснела.

– Итак, решено. Благодарю вас за оказанное доверие, о достойнейший, – и госпожа Эниджа раскланялась с аш-Шудахом, – Проходи, Амариллис. Школа Нимы ждет тебя. – И она жестом пригласила Амариллис войти.

Уже после того, как девушка прошла в дверь, шаммахитка обернулась к магу и укоризненно сказала:

– Ты мог бы быть с нею поласковой. И уж тем более обойтись без намеков при посторонних. Ладно уж, не извиняйся... я прослежу за девочкой, – и она вошла в дом.

Амариллис стояла на пороге довольно большой залы, занимавшей почти весь первый этаж школы. Одна стена была сплошь зеркальная, и в ней отражалась зелень кустов, заглядывавших в окна на противоположной стене, пол был деревянный, отполированный до блеска, и на нем, на маленьких шелковых подушечках сидело несколько девушек, одетых в одинаковые светло-желтые туники до середины бедра и легкие неширокие шаровары. При появлении госпожи Эниджи они встали.

– Девочки, урок закончен. Присядьте и отдохните, – и она легонько подтолкнула Амариллис вперед.

– Принимайте новую подругу. Назовитесь, как того требуют наши правила, и ступайте все вместе в купальню. Лалик, присмотри за новенькой на первых порах.

Эниджа уселась на одну из подушек, подтолкнув к Амариллис такую же.

– Меня зовут Гинивара, я из северного Нильгау, – у этой девушки была ярко-бронзовая кожа, резкие и красивые черты лица, длинные черные волосы забраны в два хвоста высоко над ушами, глаза смотрели приветливо и пронительно, – я будущая жрица Калима, и обучаюсь священному искусству танца, дабы достойно исполнять свои обязанности. Добро пожаловать, сестра.

– А я – Лалик, – улыбнулась Амариллис изящная смугленькая шаммахитка с волосами, заплетенными в десять кос (каждая до пояса) и симпатичным веселым личиком, – дочь Ирема Многодивного. Я здесь, чтобы суметь порадовать своего господина, первого советника Властителя Шаммаха, да продлит Вседержитель его век и да сохранит его расположение к моему ан-Нуману!

– Я – Муна, родом из Краглы, – говорившая была высокой, статной северянкой с прозрачно-зелеными глазами и светлыми, почти белыми косами, закинутыми на грудь, – сюда меня привела судьба и не скажу, что я ей поначалу не сопротивлялась. Мое предназначение пока не ясно, но скорее всего я буду выступать на сцене, и невероятно прославлюсь, и мой

неблагодарный жених от досады сожрет свои вонючие сапоги! – она улыбнулась и подмигнула Амариллис, отчего ее лицо необыкновенно похорошело.

– Привет тебе, сестра. Меня зовут Ксилла, я из Суртона, из великого города Иссы, – это была похожая на фарфоровую статуэтку, черноглазая девушка, самая молоденькая из присутствующих, – я очень хочу выступать в Императорском Саду, в Жасминовой Беседке – как моя мама... и надеюсь достичь желаемого под руководством госпожи Эниджи.

Настала очередь Амариллис.

– Мир вам, сестры. Я – Амариллис, родом из Свияра, что на Кадже Бесноватой. Вся моя семья погибла в наводнении год назад, а мне судьба, видно, еще не отмеряна. Сюда меня привел мой... господин, великий маг аш-Шудак, потому что я объела все зимние персики в его саду, и он решил сохранить для себя хотя бы летние.

– Ну что ж... а я, как ты уже знаешь от своего всеведущего господина, Эниджа – хозяйка школы танца и жрица Нимы Мягковласой. Меня не надо бояться, но прислушиваться ко мне необходимо. Ступайте, девочки, поплавайте... и расскажите Амариллис о здешней жизни.

Здешняя жизнь оказалась нескучной, когда напряженной, а когда и расслабленной. Жили девушки в одной общей комнате, большой и светлой, обставленной почти роскошно. Кровати застелены вышитыми покрывалами, повсюду зеркала в резных позолоченных рамах, туалетные столики просто завалены всевозможными благовониями, декоративными красками, безделушками... В углу комнаты столик, а на нем – принадлежности для письма, рядом невысокий шкафчик с книгами на разных языках Обитаемого Мира. Шкаф для хранения одежды был невелик, поскольку все девушки носили либо простую пару для занятий, либо легкие светлые джеллабы; время пышных нарядов для них еще не наступило. Позади школы был большой бассейн голубоватого мрамора, где ученицы могли плескаться в любое время сколько душе угодно, опустошать фруктовые деревья тоже не возбранялось. Сами занятия проходили в зеркальном зале и, изредка, на травяной лужайке возле бассейна.

Девушки поднимались довольно рано, быстренько совершали утренний туалет (несмотря на обилие косметики, ею почти не пользовались – все равно от пота размажется) и бегом спускались в купальню, поплавать и размяться в воде. Потом был завтрак; в основном учениц кормили коричневым рисом, овощами с острыми приправами, всевозможными фруктовыми муссами и запеканками, а в обеденный час – нежным птичьим мясом или рыбой. Затем следовал книжный час, когда приглашенная учительница рассказывала о городах и государствах Обитаемого Мира, об их истории и обычаях, читала вместе с девушками книги и учила их писать стихи. (Все ученицы знали – кроме всеобщего – еще хотя бы один язык, и, постоянно общаясь, узнавали наречия друг друга). Ну а потом, смеясь и охая, они шли в зеркальный зал.

– Лалик, выпрями спину. Амариллис, прекрати стискивать зубы, расслабь лицо. Ксилла, не жмись. Итак, мы начинаем.

И они начинали. В первой половине урока девушки разучивали начерно какие-нибудь совсем несложные па, осваивали красивые жесты и позы. Потом начиналось мучение – растяжка мышц и сухожилий. В общем хоре постановываний, мычания, охов и вскриков не было слышно только Ксиллы, от природы гибкой, как ивовая веточка. Все остальные терпели и страдали.

– Где твое милосердие, Муна? Может, ты оставила его под подушкой? – и Гинивара, сидящая на полу с раскинутыми ногами, которым не давали сдвинуться ступни Муны, которая еще и наклоняла ее вперед и вниз, давя на плечи руками, застучала по полу кулаками.

– Не стони... лучше подумай о том, как ты сделаешь то же самое со мной. Что, уже лучше?

– Лалик, душенька, может хватит? – Амариллис умоляюще глядела на подругу, несущую очередную гирьку. Девушка сидела выпрямив спину, сжимая сложенные подошва к подошве

ступни руками, а на ее разведенных коленках лежали плоские гирьки, под тяжестью которых колени опускались все ниже и ниже.

– Ну вот еще две штучки, и все. Потерпи. Амариллис! И где ты только понабралась таких слов!

– В Пойоле слышала!

После небольшого отдыха, во время которого они лежали на полу, расслабленные, как тряпочки, снова приходил черед осваивать танцевальные па и линии, на этот раз – тщательно и безупречно.

– Девочки, перенесите вес на левую ногу, – Эниджа оглядывала их, словно полководец свою личную гвардию. – Правой полшага вперед, так, стоп... А теперь смотрите: бедро идет вверх и вперед, как-будто вы отталкиваете мячик, и назад... попы подожмите, ступня на носке и выгнута, голень не крутить! Еще раз! Еще! Еще! Плохо. Ксилла, не дергайся так резко, плавнее, мягче надо... понимаешь? Амариллис! Не вихляй так бедрами, завяжи их в один узел соблазна... ясно? Лалик, танцевать – это не значит крутить задом напропалую, как жаждущая котка кошка. Запомните все – когда танцевала великолепная Яшма, то даже у евнухов загорались глаза... глаза! а не шаровары пучились, как в скабрзных историях, над которыми вы хихикаете! Какое наше первое правило? *Танцовщица школы Нимы славит Любовь, а не предлагает себя на ночь!*

И движение повторялось еще и еще, становясь поначалу ненавистным, затем – привычным, а в какой-то прекрасный момент – естественным; и ученицы начинали понимать, что в это движение они могут вложить любой нужный им смысл.

После утреннего урока снова был бассейн, смывавший боль и усталость, и обед. Откушав, девушки принимались вовсю отдыхать – кто прятался в тени сада и дремал, кто устраивался поудобнее с книгой, а кто предпочитал поболтать. Амариллис легко нашла общий язык со всеми ученицами Нимы, но более всего ей было приятно общество Лалик и Муны. Ксилла была чересчур молчалива и утонченна, и Амариллис не могла отделаться от ощущения, что ее не всегда пристойные выражения и вольный юмор шокируют или даже пугают маленькую суртонку. Гинивара же оказалась весьма целеустремленной особой, все свое сознательное (то есть проведенное не во сне) время она отдавала подготовке к будущему жречеству: если не танцевала или не упражнялась, то читала, медитировала, учила наизусть огромный священный календарь Калима... словом, она всегда была занята. А вот с Лалик можно было славно поболтать – о шаммахитских нравах, о придворных обычаях (Амариллис хохотала не меньше получаса, когда узнала, что приветствующий властителя Шаммаха должен опуститься на колени, голову уткнуть в пол, и задрать зад выше макушки своего тюрбана... она долго не могла утомиться и все выкрикивала сквозь слезы: «Моя задница приветствует тебя, о Светлейший!») и о мужчинах. Лалик рассказывала подружке о своем ан-Нумане, которого любила легко и весело, хвасталась его ласками и подарками, а Амариллис в один особенно жаркий полдень наконец смогла облегчить свое сердце и поделилась с нею нежной тайной.

– Если бы ты только увидела его, то поняла бы меня. В него невозможно не влюбиться... Глаза, как черные алмазы, на сердце вырезают слово страсти, и пальцев легкое прикосновение рассудок повергает ниц...

– Это ты сама сочинила?

– Нет, это один поэт с Белого Острова.

– Неплохо для северянина. И что же было дальше? Ты стала вздыхать и грустить, ему это надоело, и он отправил тебя сюда?

– Нет... Я, видно, совсем спятила от этой любви и решила сама сделать первый шаг.

– Да ты что?!

– Именно. Взяла и заявила к нему в покои на ночь глядя, вся такая решительная и дрожащая... если буду часто вспоминать об этом, умру со стыда. О Нима Сладкоязыкая, и кем я себя тогда возомнила?!

– А он?

– Он?.. Он взял меня за руку, отвел в сад и велел попробовать еще незрелый персик. Откусила я – фу, кислятина-то какая! Жую, морщусь, а плюнуть боюсь... проглотила кое-как и молчу, глазами хлопаю, как дура... А он спрашивает – понравилось, мол? Какое там, отвечаю, кому ж такое понравится?! Вот именно, отвечает он, мне это тоже не по вкусу. Я, когда поняла, хотела заплакать, а он взял мое лицо в ладони, в глаза посмотрел и сказал что-то... не знаю, на каком языке. Я потом Арколю попыталась повторить, он, кажется, понял, но переводить не стал, сколько я не просила. Вместо этого завел высокоученую скучищу о чувствах истинных и мнимых, и... как это он сказал?.. ах, да – о нетерпении сердца. Хорошо ему рассуждать – сбегает к марутским прелестницам, и готово дело.

– А потом аш-Шудах отослал тебя в школу?

– Ну что сразу «отослал»? Если бы аш-Шудах захотел, так хоть в Арр-Мурра отправил бы, чтобы я его «черные алмазы» не мозолила. Он желает мне добра.

– А ты желаешь его самого.

– Ох, Лалик, я и сама иногда не знаю, чего же я желаю. Ого, кажется в колоколбрякнули. Ну что, встаем? пойдем дальше руки-ноги выкручивать во имя искусства.

Второй урок начинался сразу с мучений: опять растяжка, бесконечные приседания на цыпочках, вытягивающий жилы «закат-рассвет» (это упражнение было придумано легендарной Яшмой и заключалось в медленном – очень медленном! – приседании при расставленных ногах, вывернутых наружу носках, прямой спине и красиво раскинутых руках, а потом таком же медленном вставании), тренировка гибкости спины в нырках под палку, высоту которой регулировала госпожа Эниджа, и множество других способов причинить сладкую боль телам будущих танцовщиц.

– Медленнее, Лалик, ты не под куст присаживаешься! Так... а куда это ты глаза опустила? А ну-ка, подбородок вверх... глаза на меня... и взгляд соколицы, а не курицы-несушки! Хорошо... Девочки, вспомним наше правило: *танцовщица Нимы никогда не опускает очей своих ниже локтей зрителя, паче же зрит ему в лицо, или на герб, ниже иной знак достоинства, на груди пребывающий!* Иначе зрители решат, что вы сравниваете наполненность их гульфиков!

– Госпожа Эниджа, а с моим мучением вы какое правило свяжете?

– Твое, как ты выражаешься, мучение, Гинивара, связано вот с каким правилом... *Никто да не прикоснется к танцовщице Нимы руками возжеления!* А поэтому давай старайся, иначе тебя облапают на первом же выступлении! Уклоняйся мягче, не шарахайся, как испуганная девственница, перетекай, ускользай... представь себя подводной травой или лентой, плывущей по ручью. Амариллис, если я занимаюсь с Гиниварой, то это вовсе не значит, что остальные могут отдыхать. Именно так, и мне лучше знать, когда будет достаточно.

– Но я не могу больше! У меня сейчас зад отвалится!

– Выбирай выражения! А ты, Ксилла, перестань спотыкаться от каждого резкого слова! А чтобы твой зад остался на месте, сделаем вот что, – и Эниджа, подойдя к девушке, стоящей на одной ноге и вытянувшей другую параллельно полу, хладнокровно запустила кончики остро отточенных ногтей в ее ягодицу.

– Вот так и должно быть – ножка, как натянутая струна. Постой еще немного, а потом Лалик снимет груз. Что? нет, только с ноги, с головы не надо, поприседаешь вместе с ним, а то что-то у тебя спина невыразительная...

По истечении отмеренного времени, все без исключения девушки валились на пол, Гинивара так даже засыпала; потом разминали ноющие мышцы и снова вставали – учиться танцевать. Они постигали искусство импровизации, пытались рисовать пока еще разрозненными движениями осмысленные, одухотворенные сюжеты, а по истечении трехмесячного срока обучения каждой из учениц доверили Хранителя мелодий, дабы кристаллы и девушки привыкали друг к другу, ведь им предстояло действовать как единому целому.

Отдав почти все силы вечернему классу, танцовщицы Нимы смывали честный пот в небольшой жаркой купальне и устало плюхались в прохладную проточную воду бассейна; их хватало только на то, чтобы лениво пошевеливать пальцами ног, да моргать, даже болтать не хотелось. Потом был огромный поднос фруктов и кувшин простокваши на ужин, и далее девушки могли делать все, что им возжелается... а желалось им только одного – спать. (Правда, Амариллис раз в неделю – на два у нее силенок не доставало – посещала дом аш-Шудаха, приславшего за ней закрытые носилки, и мужественно преодолевая сон, общалась с Арколем; в школу ее относили уже тихо посапывающей в подушку.) А затем приходил новый день, и все начиналось сначала.

Прошел год с того дня, когда Амариллис попала в школу Нимы Гладкобедрой. Она и ее подруги успели многому научиться, их тела стали послушнее и выразительнее, и каждая выучила (блестяще и неподражаемо, как она считала) один особенный танец – самый любимый, самый лучший, танец для первого испытания. А заключалось оно вот в чем.

В том, что все они будут выступать на публике, никто из девушек и не сомневался. Но в школе их единственной зрительницей была госпожа Эниджа, и проверить действие своих чар (без сомнения, неотразимое) им было не на ком. Первое испытание позволяло исправить это упущение. Каждой из учениц Нимы предоставляли право исполнить тот самый танец на публике; однако места, куда их привозили поздним вечером, почти ночью, сильно отличались от тех, какие им грезились в честолюбивых мечтаниях; довольно и того, что все они находились за рекой, в Маруте Скверном.

– Ксилла, сегодня ты освобождаешься от вечернего занятия, – и госпожа Эниджа подняла руку, предупреждая взрыв вопросов, – поскольку силы понадобятся тебе для выступления. Ступай в мою комнату, там уже ждет портниха – костюм твой готов, но примерка не помешает. Потом можешь спуститься в малый зал и немного поработать... не мельчи, не прячь глаза, а главное – не затягивай паузу. Я знаю, вы до сих пор думаете, что в танце важнее всего движения... оно, конечно, так, но поверьте мне – любое движение начинается со стойки и прерывается паузой. Мастерски выдержанная стойка танцовщицы может спасти даже слабый танец, а вот затянутая – или же скомканная – пауза может испортить любое великолепие. Ксилла, ты все еще тут? Разве я сказала что-нибудь новое?! В добрый час... итак, приступим к нашим вечерним занятиям.

Когда девушки заканчивали ужинать, в комнату впорхнула – по другому и не скажешь – Ксилла, наряженная в развевающиеся суртонские шелка цвета слоновой кости; подобно нежной хризантеме, попавшей в водоворот, покружилась она перед подругами, и ее щечки зарумянились от щедро рассыпанных ими похвал. Вскоре за ней прислали закрытые носилки и она вместе с госпожой Эниджей уехала неизвестно куда.

Вернулась Ксилла поздно ночью, заплаканная, все еще дрожащая, уже не в роскошном наряде, а в обычной джеллабе. Ожидавшие ее и поэтому не спавшие девушки бросились ухаживать за ней, принесли из купальни теплой воды для ног, раздобыли на кухне молоко и мед, закутали ее в теплую накидку... и, как ни распирало их любопытство, не задали ни одного вопроса. Ксилла, придя в себя, рассказала, как ее освистали в каком-то из второсортных марутских борделей; бледными губками она повторяла те малоприятные словечки, коими развеселая публика сопровождала ее танец, который она даже не смогла закончить.

На следующий день Муна, набравшись храбрости, спросила Эниджу:

– Почему мы должны танцевать перед таким отребьем? насколько я знаю, ни одна из танцовщиц Нимы не подвизалась в кабаках, тем более в борделях.

– Если вы сможете выступить как должно перед, как ты изволила выразиться, отребьем, то в будущем уже никакая, даже самая взыскательная публика вас не испугает, – коротко ответила госпожа Эниджа.

Следующей испытуемой стала Гинивара. И снова оставшиеся в школе девушки не спали, переговаривались о пустяках и нервно хихикали. А потом так же приводили в чувство вернувшуюся за полночь нильгайку; Амариллис так даже пришлось прыснуть ей в лицо холодной водой. Оказалось, что Гинивара, исполнявшая красивый и чувственный ритуальный танец, спровоцировала им отнюдь не религиозный экстаз, а откровенно похотливые домогательства. Отдельные прикосновения, от которых не получалось ускользнуть, девушка еще терпела, но когда один из зрителей попытался прилюдно ее облапить и порвал на ней роскошную фиолетовую тунику аж до пояса... тут она не выдержала и напомнила всем окружающим, что жрицы Калима при случае могут защитить себя.

– Я расквасила почтенному шаммахиту нос и нарушила правило Школы, – и, подражая выговору Эниджи, Гинивара пропела, – *Танцовщица Нимы да не обнажит свою грудь, тем паче зад, ибо обнаженное соблазна не имеет и ценится дешево.* О таком успехе я и не мечтала... – и она снова засмеялась сквозь слезы.

Через неделю пришел черед Амариллис.

Закусив нижнюю губу, она пристально смотрела в зеркало. Оттуда на нее так же пылливо взирала невысокая, легкотелая девушка, одетая в короткую темно-зеленую тунику, длинную, просторную накидку из светло-изумрудного суртонского шелка и легкие кожаные сандалии, ее короткие волосы прятались под длинным серебристым париком. Подведенные зелеными же тенями глаза лихорадочно блестели – подобно мелким цирконам, которыми были украшены серебряные пряжки, скреплявшие накидку на плечах. Больше никаких украшений, если не считать тяжелого браслета на левой руке, от которого шли пять цепочек, обвивавших пальцы, и на котором крепился Хранитель мелодий.

Амариллис вздохнула и медленно развела руки в стороны, пробуя ткань в жесте – зеленые переливы должны были оттенять рисунок танца. Получилось действительно красиво, и она удовлетворенно улыбнулась. В дверь малого зала постучали. Пришло ее время.

Не сказавший ни единого слова слуга усадил девушку в закрытые носилки и пошел впереди них; потом помог ей забраться в лодку и выбраться из нее же; на берегу Лаолы их ждали новые носилки. Еще некоторая толика мерного покачивания, и наконец она на месте. В густой темноте южной ночи она с трудом различает контуры массивного здания, из его распахнутых окон вырывается многообещающая смесь хохота, света, запахов... это одно из развеселых марутских местечек, где за кружкой пива и подносом жареных свиных ребрышек коротают вечерок солдаты-наемники, нетрусливые мастеровые, и другие сорви-головы.

Амариллис казалось, что все происходит слишком быстро и почти независимо от нее. Слуга-проводящий открыл перед нею низенькую дверцу, она, нырнув в коридорчик, оказалась в жаркой полутьме дома, чьи стены поминутно сотрясались от рева луженых глоток, требующих пива или неистово хохочущих. Кто-то потащил ее за руку вглубь помещения, она послушно заспешила и вскоре оказалась перед куском линялого красного бархата, очевидно, заменявшего занавес. И, едва только девушка отдышалась, этот же кто-то откинул малопривлекательный лоскут и почти что вытолкнул ее на низкий дощатый помост сцены.

Она сделала несколько шагов вперед, подняла глаза от пола и тут же мысленно прокляла тот день, когда аш-Шудах привел ее в школу Нимы. Вокруг сцены стоял добрый десяток больших столов, за которыми сидели уже изрядно подгулявшие гости – компания регочу-

щих орков, горланившие похабные куплеты подмастерья-оружейники, солдаты иремского гарнизона... На захватанных стенах – чадающие светильники, за хозяйской стойкой – какой-то жирномордый шаммахит, пивные лужи на полу, убийственная смесь запахов мужского пота, раскаленного свиного сала и черного перца. Амариллис почувствовала, как все ее внутренности сворачиваются в подобие улитки и завязываются морским узлом – созданный ею с такой любовью танец, грациозный и невесомый, был здесь так же уместен, как милосердие в Пойоле... или как прыщ на невесте. Но отступать было некуда: не за линючую же тряпку прятаться; и она, подняв руку, выпустила Хранителя мелодий.

В тяжелый воздух залы полилась нежная, печальная музыка; стиснув зубы, танцовщица готовилась сделать первый шаг, как вдруг чей-то грубо-насмешливый голос крикнул:

– Эй ты, капуста, катись-ка обратно на грядку, да отрасти себе сиськи побольше, чтобы было на что порадоваться!

Почтенная публика так дружно заржала, как будто отродясь не слыхала ничего более остроумного. Компания подмастерьев засвистела и один из них запустил в девушку помидором... он попал ей в плечо, оставив склизкий, противный след на изумрудном шелке, и смачно шмякнулся у ее ног.

И в этот самый момент Амариллис с восторгом поняла, что хочет отчаяться и заплакать – но не может! Вместо испуга ее охватила ярость, кровь вскипела как стотравный элексир в тигле; она была в том состоянии, когда легко убивают голыми руками.

Резкое движение кисти – и кристалл, словно поперхнувшись, обрывает тихую прелесть мелодии; еще движение – и чуть не порванная накидка летит на пол, а вслед за ней и парик... и стремительно нагнувшаяся девушка поднимает с полу помидор и с размаху швыряет его обратно в зал.

Стойка!.. Одна нога на носке держит тело, другая согнута в колене, словно готовясь пнуть, руки вытянуты в стороны, пальцы скрючены и вот-вот выпустят когти, короткие пряди взъерошенных волос похожи на иглы, а на лице хищная улыбка дикой кошки, и наконец-то дождавшиеся своего часа – клычки во всей красе! Пауза!.. Амариллис застыла, как пума перед прыжком, зачаровывая и угрожая. Хвала неведомому мастеру, Хранитель мелодий не подвел ее: выждав ровно столько, сколько нужно, он рявкнул – иначе не скажешь – начало разухабистой воинственной песни орков. Девушка, подпрыгнув, приземлилась на разведенные и согнутые в коленях ноги, выкинула вперед руки, словно вцепляясь жертве в горло... и начала танцевать. Она не знала, из каких глубин памяти крови всплыли эти движения – резкие, нарочито грубые, подобные замаху для смертельного удара, эти согнутые, вывернутые колени, вихляющиеся бедра, бьющие, швыряющие руки и боевой оскал; она не знала, что танцует как орчиха-шаманка, призывающая победу для воинов племени... И тут один из сидевших в оцепеневшем зале орков запел:

*– Бей! Резь! Смейся! Рычи!
Кто остановит наши мечи?!
Смейся! Рычи! Резь! Бей!
Чашу вражеской крови испей!*

После первых же слов к его хриплому голосу присоединились и другие орки, они самозабвенно орали песню воинов, отбивая такт подкованными сапожищами; гремел барабан, ухали какие-то гулкие трубы и даже лязгало железо – кристалл Амариллис побагровел и заметно вибрировал.

– Клянусь бородой Вседержителя, я не учила ее ничему такому! Откуда же все это?! – шептала изумленная Эниджа, сидевшая в глубине зала рядом с аш-Шудахом. Стол перед нею был усеян крошками – волнуясь и переживая за обреченную на провал ученицу, она извела целую лепешку.

– Память крови. Однако она оказалась сильнее, чем я предполагал, – маг, не отрываясь, смотрел на танец-битву Амариллис. – Как она их держит... по одному ее слову они пойдут хоть в Арр-Мурра...

В этот миг девушка в последний раз взлетела в воздух и, приземлившись на самом краю сцены, замерла, как вонзившаяся в цель отравленная стрела. Музыка и пение оборвались... и тут же их сменил оглушительный рев восторга. А танцовщица, вместо традиционного изящного поклона, послала зрителям непристойный жест... впрочем, вполне их достойный и встреченный ими с восторгом. Один из орков, судя по всему – глава их отряда, с зеленовато-сизыми

от старости волосами и двумя параллельными шрамами, пересекающими смуглую морщинистую щеку от уголка рта до виска встал, подошел к сцене и подал Амариллис руку, приглашая присоединиться к его – да и ее отчасти – соплеменникам. И девушка, вместо того, чтобы с визгом убежать за линиями занавеса, легко спрыгнула со сцены и уселась на придвинутый ей стул.

– Молодец, кровница... не подвела, – и орк протянул Амариллис небольшой бокал, в который налил что-то из выдавшей вида походной фляжки, – ну, с боевым крещением!

Она, не раздумывая, залпом выпила предложенный напиток (по вкусу схожий с горячей можжевелевой веткой), вытаращила глаза и свистяще выдохнула:

– *Марди-гра истигболи укк-тха!!!*

Сидящие за столом орки одобрительно засмеялись, демонстрируя белоснежные, влажно поблескивающие клыки, а один из них, с массивной треугольной серьгой в ухе, поинтересовался:

– Дед или прадед? Что не бабка, это понятно – бабка за такие слова тебе бы рот щелоком намыла; а дед наверняка еще и нарочно подучивал. А, как?

– Ага, именно так. Только от прабабки мне все равно один раз влетело...

– Значит, прадед...

– Ага... А знаете, у него татуировка была почти как у вас, только не черная, а зеленая. Его звали Судри, – и Амариллис лучезарно улыбнулась старому орку. От выпитого зелья у нее слегка шумело в ушах, перед глазами плыли огненные круги и она изо всех сил старалась удержаться на стуле, совершенно не замечая, что ее – очень даже бережно для орков – придерживают за плечи.

– Ну что ж, правнучка Судри из лесного клана... возьми, на память о встрече, – и старик протянул ей кольцо, с трудом стянув его с мизинца – кольцо с прозрачным, гладким черным камнем, на котором была вырезана какая-то орочья руна.

Амариллис не помнила, как вернулась в школу. Ее встретили подруги, потерявшие всякое терпение и придумывающие причины ее долгого отсутствия – одна невероятнее другой. Когда они увидели Амариллис в одной тунике, без плаща и парика, взъерошенную и совершенно ошалевшую, лица их вытянулись... но когда прошедшая испытание, потрясая кулаками и подпрыгивая на месте, понесла абсолютную ахинею – но ахинею счастливую и торжествующую, все бросились ее обнимать, целовать, тормошить – даже сдержанная Ксилла. Не скоро девушки улеглись спать, слишком многое хотелось им услышать и понять. И все же наконец они разошлись по своим постелям и уgomонились.

Уже под утро Муна проснулась от холода (во сне она часто сбрасывала с себя одеяло, а северная привычка спать, укутавшись по уши, сбавывала даже в жарком Шаммахе). Девушка привстала на кровати, поднимая свалившееся на пол покрывало, и случайно глянула в сторону спящей Амариллис. И оторопела. Ибо у изголовья танцовщицы стоял высоченный, широкоплечий старик-орк, с зеленой татуировкой вокруг золотых глаз. Вот он наклонился, ласково погладил спящую Амариллис по голове, выпрямился... и, поймав взгляд изумленной Муны, подмигнул ей и приложил палец к губам. И исчез.

После испытания девушки провели в школе еще год. Этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы они исправили свои ошибки, научились тем необходимым премудростям, о которых раньше и не подозревали (например тому, как усмирять не в меру ретивых поклонников) и каждая из них смогла, наконец, осознать свою истинную силу.

В день расставания госпожа Эниджа собрала их в нижнем зале. Все выглядело так, словно они пришли на вечерние занятия... только вот в спальне девушек уже ждали сложенные дорожные сундучки, а их покрасневшие носы и припухшие веки свидетельствовали о том, что все

подушки придется как следует просушить на солнце. Они выстроились перед наставницей, похожие на коллекцию суртонских фарфоровых статуэток, ожидая ее напутствия.

– Вот и пришло это время, ученицы мои. Вы немало потрудились, дабы заслужить право именоваться танцовщицами Нимы, но теперь, какую бы вы ни выбрали стезю, каждое мановение вашей руки будет прославлять Сладчайшую Богиню. Довольно вы прятались от мира за храмовой стеной, пора вам померяться с ним силами. Девочки, мир перед вами – старый, выдавший виды, опытный... удивите его, и он – ваш. И помните наше последнее правило — *на сцене может быть только одна танцовщица Нимы.*

Помолчав, госпожа Эниджа протянула руки к своим ученицам:

– Дайте я обниму вас, доченьки... вот так, всех сразу... пусть защитят вас длани Всемогущего, и клянусь его благоуханной бородой, если вы сейчас же не прекратите реветь, то будете приседать до упада!

Они разъезжались кто куда. Ксилла – домой, в Иссу, чтобы стать драгоценной игрушкой в императорской Жасминовой Беседке; Гинивару ожидало сумрачное великолепие храма Калима; Лалик с нескрываемой радостью возвращалась в объятия ан-Нумана; Муна же собиралась начать свою карьеру танцовщицы в труппе королевского театра Арзахеля. Амарилис предстояло вернуться в дом аш-Шудаха.

Глава четвертая. Дети Лимпэнг-Танга (продолжение)

– Амариллис, с тех пор, как ты вернулась из школы Нимы, ты стала чересчур часто задумываться! Можно подумать, что ты обучалась в какой-нибудь философской мыслильне... Может, партию в махшит?

– Не-а, не хочу. Знаешь, братец Арколь, ведь совсем недавно я думала о том же самом... ну, о том, что же мне делать дальше. Тогда матушке Тилите удалось пристроить меня в горничные, и это казалось такой удачей! Слушай, может порекомендуешь меня кому-нибудь из своих прелестниц?

– Не понимаю тебя, сестренка. Тебе что, плохо здесь? Но даже если ты заскучала и желаешь поблестеть на публике, тебе достаточно благосклонно кивнуть хозяину любого театра, и он приползет на коленках, держа в зубах цветочек из Арр-Мурра, только бы заполучить тебя на свою сцену! Что, разве не так?!

– А что толку? Все равно не пустят...

– Кто не пустит?!.

– Кто-кто... а то ты не знаешь! Думаешь, я не пробовала? Так он меня живо укоротил, даже внушение сделал. Да что толку об этом говорить, пойду-ка я спать.

Аш-Шудах, улыбаясь только ему ведомым мыслям, смотрел в большое, чуть волнистое зеркало – не на свое отражение, ибо его там не было, но на лицо спящего Арколя... несколько едва слышных слов – и на месте Арколя оказалась мирно почивающая Амариллис. Маг провел рукою над влажно поблескивающей поверхностью стекла, и лица юноши и девушки слились воедино, не соединяясь, но словно просвечивая сквозь друг друга. Вот вздрогнули черные брови Арколя, в сонном недоумении сойдясь к переносице, а вот показалась светлая прядь волос, лежащая на щеке Амариллис... Несколько минут аш-Шудах всматривался в это двойное отражение, затем, взяв из стоявшей одесную шкатулки щепоть порошка, похожего на золотистую пудру, которой шаммахитские модницы посыпали ресницы, высыпал себе на ладонь и, резко выдохнув, сдул ее прямо на зеркало. Блестящая пыльца с нежным звоном посыпалась на его волнистую поверхность и осела на ней; аш-Шудах снова улыбнулся и сказал, обращаясь к отраженным в позолоченном стекле:

– Смотрите...

Черные, отвесные скалы, несокрушимой стеной вздымающиеся из ярящегося моря... и узкий проход в этой самой природой созданной крепостной стене, опоясывающей одинокий остров... и корабль, ведомый искусным кормчим, танцующий на волнах между каменных клыков, торчащих из воды, а на веслах – одни лишь женщины, полуобнаженные, с ярко-синими волосами, заплетенными в недлинные косы. Одна из них поворачивается в сторону ищущего взгляда вещающего зеркала, и спящие видят яростно блестящие глаза, неукротимый, гордый рот никем не побежденной воительницы, вышедшей в открытое море на поиски приключений.

Серые каменные своды бесконечного коридора, мертвая утроба горы, и по ней бегут трое: мальчик, девочка и держащий их за руки старик... и эти же мальчик с девочкой, только повзрослевшие, летят сквозь пылающие кольца с трапеции на трапецию.

Молодая женщина, собирающая травы в плоскую плетеную корзину; лицо ее печально и ресницы еще не высохли от недавно пролитых слез. Рядом с нею пожилой мужчина, что-то горячо ей говорит, заметно волнуясь, а она в ужасе отшатывается от него, отталкивает готовые обнять ее руки.

Темнокожий беловолосый мужчина в жреческом одеянии спорит о чем-то с подобными себе священнослужителями... и он же, одетый в нищенские лохмотья, идет по пыльной дороге,

палимый бешеным солнцем; непреклонно и горько сжаты полные губы, и в глазах – серый пепел отчаяния.

И вдруг эти разрозненные картинки, бестолковые, как и подобает сонным видениям, сменяет предельно четкий, *настоящий* пейзаж – стройные стволы золотистых сосен легким хором окружают лесное озеро, подобное дивной чаше в руках лесного духа. Нежная и сверкающая водная гладь, и вереницы облаков, отразившиеся в ней. Один берег – крутой, только кубарем катиться, зато другой – пологий, и там, между расступившимися деревьями, высится воздушно-легкий храм, к которому ведут широкие, белоснежные ступени. Внезапно чуткую лесную тишину разорвал мелодичный перезвон колокольчиков.

Амариллис вздрогнула и тихо застонала во сне; на другом конце дома Арколь так резко повернулся, что чуть было не свалился с кровати, его пальцы судорожно вцепились в шелковые простыни... но тот, кто направлял их сон, снова улыбнулся, что-то успокаивающе проговорил, легонько дунув на зарябившее было зеркало – и все успокоилось.

По ступеням храма спускался высокий, стройный юноша, его длинные волосы были заплетены во множество косичек, перевитых несчисленными бубенцами; обнаженные узкие ступни легки и бесшумны, разворот плеч неожиданно широк, а лик – божественно прекрасен. Остановившись на последней ступени, юноша приложил правую руку к сердцу в знак приветствия и обратился к видевшим его во сне:

– Счастья и радости вам, слышащие меня – меня, Лимпэнг-Танга, бога шутов и артистов. Я призываю вас, ибо моя труппа не может быть полной без танцовщицы и того, кем ты сам захочешь стать, Арколь. Мы все ждем вас, – и в этот момент из храма вышли и встали рядом со своим богом те, кого только что сетями вещего сна ловил аш-Шудах.

– Поспешите, не позволяйте мне заскучать без вас... – Лимпэнг-Танг улыбнулся широко и лукаво, как ребенок, встряхнул головой, рассыпая серебристый звон, и после этого сонное видение Арколя и Амариллис стало таять, исчезать в колокольчиковом переплеске, словно утренний туман, убоявшийся жаркой ласки солнечных лучей.

А в своем покое аш-Шудах вздохнул с облегчением, провел по зеркалу сновидений шелковым расшитым платком, сметая золотистую пыльцу, и откинулся на спинку кресла. Он просидел в одиночестве не более пяти минут, когда на его плечо легла чья-то ладонь. Не оборачиваясь, маг накрыл ее своей рукою и сказал:

– Ты чересчур пунктуален для артистической натуры, брат мой, – и, встав, приветствовал пришедшего. Они дружески обнялись и от этого движения звонкие волосы младшего (сводного) брата аш-Шудаха раскатились серебристым смешком.

– Я несказанно польщен твоим доверием, братец, – удобно устроившись на низком диване, Лимпэнг-Танг с веселым любопытством смотрел на мага, – помнится, было время, когда ты мне и дохлой летучей мыши не поручил бы. А тут, смотрите-ка – лучший ученик, можно сказать, приемный сын, да и девушка тоже не простая... Ты уверен, что будешь доволен моим покровительством?

– Не знаю, Лимпэнг-Танг, – с усмешкой отвечал маг, – не знаю... Дохлую летучую мышь я бы тебе и сейчас не доверил, поскольку абсолютно уверен в том, что ты тут же подсунул бы это сокровище мне в шербет... или под подушку. Так что даже и не мечтай. А что касается моих детей – думаю, ты их не разочаруешь. Арколю пора отправляться в обязательное для каждого – пусть даже и очень талантливого – подмастерья странствие, а повозка бродячего театра послужит ему неплохой маскировкой...

– Но у меня уже есть мастер иллюзий! Лиусс отлично зарекомендовал себя... конечно, куда ему тягаться с твоим учеником – но даже ради тебя я не прогоню его.

– Разве я просил об этом? Не беспокойся, вряд ли Арколь захочет работать с примитивной магией бесплотных образов, его это не интересует. И роль он изберет себе другую, вот увидишь. Ну, а Амариллис... надеюсь, ты понимаешь, какой я делаю тебе подарок?

– Понимаю... и безмерно тебе благодарен. Послушай, братец... а тебе не жаль отпускать ее?

– Так ты присмотришь за ними? – аш-Шудах явно не собирался отвечать на последний вопрос младшего брата.

– Да присмотрю, не переживай ты так! Может, я и не самый благовоспитанный бог в Обитаемом Море, но детей своих обижать не позволю никому! И тебе в том числе... поэтому будь так добр, простись с Амариллис как-нибудь... понежнее... Не учить же мне тебя, в самом деле!..

– Вот это верно. Спасибо тебе, Лимпэнг-Танг.

– Не за что, – вставая с дивана, ответил звонковолосый бог, – всегда пожалуйста.

Уже после того, как гость удалился так же неслышно и мгновенно, как и приходил, аш-Шудах заглянул в стоявшую на столике рядом с диваном резную хрустальную чашу с шербетом и с довольной улыбкой покачал головой – в чаше мирно плавала летучая мышь, невозмутимым презрением к миру подтверждая свою дохлость...

Утром наступившего дня магу не составило особого труда истолковать одинаковые сны, посетившие Арколя и Амариллис; перспектива попасть в храмовую труппу Лимпэнг-Танга вдохновила бы кого угодно... И точно так же Арколю не составило особого труда выбрать себе роль.

– Я думаю, что буду хорошим шутком, – и, опережая вопросы Амариллис, пояснил: – фокусы мне показывать уже как-то не к лицу, да и неинтересно, место воителя наверняка занято этой... синеволосой... акробат из меня некудышный, певец тоже не ахти. Так что придется тряхнуть стариной: в приюте мне частенько влетало за непочтительное насмешничанье. Конечно, если учитель не сочтет эту роль несоизмеримой с достоинством его ученика...

– Не сочтет, – ответил аш-Шудах.

Сборы в дорогу заняли весь день; все-таки будущим артистам предстояло немало проехать по дорогам Обитаемого Мира – через ничейные земли, мимо Маноры, к сосновым борам в предгорьях Безымянного Хребта; дорогу же в храм бога шутов им должен был указать сам Лимпэнг-Танг.

Амариллис, в последний раз проверив содержимое двух своих дорожных тюков (по привычке она все делала сама, неизменно приводя в священный ужас слуг аш-Шудаха), решила попрощаться с чудесным садом, который был так же обманчив и заманчив, как и глаза его создателя – на вид он был не больше обычного сада при богатом шаммахитском доме, на деле же в нем можно было запросто заблудиться. Девушка не спеша шла по узенькой тропке, петляющей, словно лесные речушки севера, между деревьями, иногда прикасаясь к теплой шершавой коре или вставая на цыпочки, чтобы понюхать вечерний цветок. Она полностью погрузилась в свои мысли и поэтому заметно вздрогнула, когда повернула за очередным изгибом дорожки и только что не споткнулась о сидящего на траве мага. Он же, одним, воистину царственным, движением бровей прервав ее неуклюжие извинения, предложил ей присесть рядом.

– Опять предостерегать будете? – в который раз впадая от робости в дерзость, спросила Амариллис.

– Помолчи, дева, – вздохнул аш-Шудах, – для поддержания достойной беседы совершенно необязательно говорить... иногда достаточно только слушать.

Некоторое время они сидели в молчании, нарушаемом лишь приглушенными хлопками раскрывающихся цветов, да вздохами ветра в зеленой листве. Наконец, набравшись смелости, Амариллис снова решилась заговорить.

– Господин мой, если вы что-то хотите сказать мне, будьте снисходительны, скажите это словами, я ведь не Арколь, и в тишине расслышу не многое...

– Не называй меня так, Амариллис, ибо – на то была священная воля Вседержителя – твое сердце мне не принадлежит... не перебивай. Ты отдала мне свое первое желание... но не сердце. Да помолчи же, дева. Ты слишком рано отвыкла слушаться старших; и боюсь, на тебя трудно будет найти управу...

Аш-Шудах протянул руку и коснулся волос Амариллис. Она бессознательно потянулась головой за его ладонью, словно ластящаяся кошка; подняла глаза и попыталась улыбнуться.

– Я, пожалуй, пойду...

– Ты боишься меня?

– Вот еще! – взорвалась Амариллис. – Очень надо! Вы же меня и пальцем не тронете, так чего мне бояться?! Разве только того, что я сойду с ума от скуки, пока вы тут медитировать будете. Хватит играть со мной, как сытый кот с неаппетитной мышью, жрать ведь все равно не собираетесь!!!

Уже через секунду после последнего выпаленного слова она оказалась на траве, распластанная волей аш-Шудаха как подопытная лягушка. Она глянула в его лицо, нависающее над ней, подобно грозовой туче, и зажмурилась – молнии, вырывающиеся из «черных алмазов», вполне могли бы испепелить небольшой город.

– Ты, невоспитанная, бессовестная, неблагодарная, несносная девчонка! Видит небо, я хотел отпустить тебя с миром, но ты этого не заслуживаешь!..

Первые несколько дней пути девушка была непривычно молчаливой, но не печальной; ее спутник, догадываясь о происходившем в ее душе, не тревожил ее якобы развлекающими, а на самом деле любопытствующими разговорами, всеми силами ограждая ее покой. Когда они покидали пределы Шаммаха, миновав последние пограничные гарнизоны империи, Амариллис наконец-то отважилась заговорить, ни к кому, в общем-то, не обращаясь:

– Нет, я, конечно, подозревала о его могуществе, но даже и предположить не могла, что он в силах останавливать время...

Ехавший рядом Арколь только покачал головой:

– Я долгое время был его учеником, а с недавних пор – и помощником, и я абсолютно уверен в том, что ни истинного облика его, ни истинной его Силы мы не в состоянии постичь... ни я, ни ты. А... ты долго пробыла с ним?

– Не знаю. Кажется, неделю. А может быть пять минут. Не знаю. Однако долго же ты сдерживал любопытство, брат Арколь.

– Вообще-то это не мое дело... – и Арколь в смущении отвел глаза.

– Как это не твое?! Ты же мой названный брат! Старший, между прочим. Вот Фрон с Траем живо бы из меня все повытрясли, глядишь, и полегчало бы мне.

– Прости, я не думал, что вправе задавать тебе такие вопросы, боялся, ты обидишься.

– Не обижусь. Да и ничего *такого*, собственно говоря, я и не могу рассказать.

– Я знаю. И боялся, что именно это и смутит тебя. Так много усилий – и *такой* результат.

– Да уж. Лалик я бы наврала с три короба, чтобы не позориться, а тебе врать бесполезно, да и не хочу. Мне стыдно, Арколь. Какая же я дура все-таки... представляю, как я ему надоела своим ничтожеством, – и Амариллис крепко закусил нижнюю губу, снова погружаясь в молчание.

Они уже проехали изрядный кусок намеченного пути; по старому, содержащемуся в идеальном порядке торговому тракту, соединяющему Шаммах и Манору; теплым майским вечером танцовщица и шут въехали в Эрмеллино – один из пригородов Маноры, славящийся своими оливковыми рощами. Они решили остановиться на одном из гостеприимных, шумных постоянных дворов; у Арколя был удивительное чутье на безопасные места, не раз помогавшее им даже и в их на удивление спокойном странствии. На сей раз ему приглянулась «Улада Нальдино» – и путники попридержали коней; Арколь легко спрыгнул на землю, будто и не трясся весь день в седле, помог спуститься Амариллис и обратился к спешившему навстречу хозяину (Нальдино в четвертом поколении):

– Уважаемый, мы с самого утра в дороге, надеюсь, у вас найдутся две смежные комнаты для меня и моей сестры?

– Найдутся, как не найтись, прекрасные комнаты, тихие, окнами в сад, никто не помешает благородным господам отдыхать, прошу вас, проходите!

Усталых коней увели в конюшню со строжайшим указанием вычистить, напоить, накормить – и все как следует, впрочем, конюх с такой любовью оглаживал холки чистокровных шаммахитских лошадей, что хозяйская строгость была необязательна. Оказавшись в доме, Амариллис, избалованная в школе Нимы, потребовала горячей воды и чистых полотенец, с наслаждением выкупалась в небольшой деревянной ванне, прислушиваясь к хихиканью и визгу, доносившимся из-за полуоткрытой двери – Арколь, по неизвестной причине заслуживший репутацию не то принца инкогнито, не то императорского посланника, всю этим пользовался. Не спускаясь в общую залу, они отужинали в комнате девушки и, собираясь как можно раньше утром отправиться в путь, улеглись спать.

Арколь проснулся с неясным ощущением тревоги. Не вскакивая и не суетясь, он прислушался: из соседней комнаты, где мирно посапывала его названная сестра, доносился тихий, но отчетливый скрип – скрип половиц под многоопытной – но все же не эльфийской – ногой. Когда Арколь понял, что шаги незваного гостя продвигаются в направлении кровати Амариллис, реакция последовала незамедлительно. Спустя пару секунд ночной посетитель, жалобно пискнув, замер, наслаждаясь приятным холодком шаммахитской стали у собственного горла. Одним жестом засветив свечу на прикроватном столике, Арколь не без иронии сказал:

– Добро пожаловать!.. Да проснись же ты, Амариллис! К тебе гость.

Амариллис, с трудом выкарабкиваясь из цепких объятий сладкого полуночного сна, присела на кровати и все еще слипающимися глазами уставилась на незадачливого воришку (или соблазнителя). Тот стоял не дыша, вытаращив и без того большущие глаза цвета незрелого крыжовника, и казалось, что даже огненно-рыжие пряди волос колышутся на его беспутной голове от ужаса.

– Умоляю! Погасите свет!

Он просипел эти слова задушенным, словно из-под подушки голосом, по-прежнему не осмеливаясь пошевелиться. Все еще недоумевая, Амариллис спросила:

– Вы что, окном ошиблись?

И тут со стороны конюшен раздался дикий рев.

– Лорка, погань ты этакая! Иди сюда, я тебе ноги оторву, кобель хренов! Ах ты паскуда рыжая, мать твою так-перетак... – а дальше пошло такое, что Арколь опустил кинжал и развернул гостя лицом к себе.

– Кто это столь высокого мнения о твоей персоне?

– Почтеннейший купец Альдобрандино, я-то думал, что он еще в Пьяческе отстал, так нет ведь, выследил все-таки, старый хрен! Да погасите же вы свет!

А на дворе судя по нестихающей мощи рева давно и прочно рогатый мессир Альдобрандино сулил «рыжей харе» много чего хорошего, всполошил уже спавших слуг, разбудил посто-

яльцев – словом, весь дом поставил на ноги. В саду замелькали факельные огни, в коридорах затопали, послышались чьи-то визги...

– Быстро! – и рыжий незнакомец схватил Арколя за руку, – бежим отсюда! Пока он там надсаживается, успеем добежать до конюшен!

И странное дело – вместо того, чтобы выставить зеленоглазого любовничка за дверь, прямиком в объятия правосудия, Арколь и Амариллис, не сговариваясь, бросились переодеваться; ученик аш-Шудаха, отвесив добротный подзатыльник возмутителю спокойствия, засмотревшемуся на Амариллис, пихнул ему в руки один из дорожных тюков, другой схватил сам, и все трое выбрались в коридор. Немного потолкавшись с обитателями взбуктованной «Услады Нальдини», они оказались во дворе, в общей суматохе пробежали к конюшне, где их ожидал неприятный сюрприз.

Кони шута и танцовщицы мирно стояли в стойлах, у самого входа нетерпеливо переступал с ноги на ногу великолепный серебристый жеребец – а рядом с ним так же нетерпеливо переминался верзила с пудовыми кулачищами и головой со среднюю репку. Голова у старого хрыча Альдобрандино еще соображала. Увидев сие небесное видение, рыжий резко затормозил и вознамерился укрыться в доме. Увы! достопочтенный купец, успев побывать в комнате, в которой всегда останавливалась его жена, возвращаясь от замужней сестрицы, и убедившись, что супруги там, по непонятной причине, нет (ее задержало на лишний день банальнейшее расстройство желудка), решил хотя бы наполовину добиться своего. И в эту самую минуту он, во главе небольшого отряда улюлюкающих слуг, приближался к конюшне.

Несчастный любовник заметался как заяц в западне, Амариллис, не принимая во внимание обстоятельства, помирала со смеху... положение спас Арколь.

За простейшим заклинанием быстрого сна последовал взмах длинных пальцев, сплетенных в магическом жесте – и почетный караул у конюшни был снят. Они взлетели в седла, разом дали шпоры и решились передохнуть, лишь когда Эрмеллино был далеко за спиной. Путники остановились и, насколько позволял лунный свет, оглядели друг друга – рыжий мертвой хваткой прижимает к себе дорожный тючок, глаза-крыжовины таращатся с бледного лица, обрамленного холеной бородкой, Амариллис, взъерошенная, в криво-накосо застегнутой куртке (покинув Шаммах, она, несмотря на уговоры Арколя, предпочла южным одеяниям более практичные северные), и Арколь, в завлекательно распахнутой на груди рубашке, торчащей белым ухом из расстегнувшихся штанов... Спустя мгновение все трое дружно хохотали. Отсмеявшись, рыжий галантно поклонился нежданным спутникам, наконец-то получив возможность представиться:

– Ваш покорный слуга, Лорка Аригетто Гвардастаньо деи Верджеллези ди Сигинольфо, седьмой – и младший сын графа Манарди да Бреттиноро из Арзахеля!

– Ничего себе имечко!.. – восхитилась Амариллис, – Слушай, пока тебя к обеду зовут, жаркое не остывает? А если ты в колодец упадешь? Представляю: бежит кто-нибудь за помощью и орет: «Спасите! Помогите! Мессир Лорка Аригетто Гварилези...»

– Гвардастаньо. И прекрати придирается к чужому имени, это невежливо, – прервал ее Арколь.

– Конечно, лезть к девице ночью в окно куда как вежливее, – ехидно согласилась Амариллис, – и я не придираюсь, я просто беспокоюсь. А ну как колодец будет глубоким? Что тогда?

– Тогда будет вполне достаточно «рыжей отравы», – ухмыльнулся в ответ Лорка, – простите, но кто вы, оказавшие мне столь высокую честь, приняв в свое общество?

– Я – Арколь, а эта благовоспитанная девица – моя сестра Амариллис. Мы направляемся в храм Лимпэнг-Танга, дабы присоединиться к храмовой труппе.

– И в каком же качестве, позвольте полюбопытствовать?

– Амариллис – танцовщица, она обучалась в школе Нимы, а я – шут.

– Школа Нимы? да-а-а... повезло храмовой труппе. Но ты не похож на шута, мессир Арколь.

– Послушайте, – вмешалась в разговор Амариллис, – мы собирались выехать из Эрмелино пораньше – не настолько, конечно, но что уж теперь... так давайте поедем наконец, что попусту на дороге стоять. Успеете наговориться, путь неблизкий.

– Благодарствую, но являться к богу вот так запросто, без приглашения – на это даже моей наглости не хватит, – с заметным огорчением ответил Лорка.

– Не скромничай, рыжая отрава, – услышав этот голос, путники как по команде повернули головы и увидели сидящего на межевом камне Лимпэнг-Танга; над головою бога мерцал целый рой светлячков.

– Смирение тебе не к лицу, паршивая овца из стада Бреттиноро. Судя по тому, как ты лазаешь в окна замужних дам, а потом удираешь по крышам, так из тебя может получиться неплохой акробат. Но мне ты нужен как вольтижер. Пока. А там посмотрим, может, Шонно и согласится поделиться своими секретами. Поспешите, дети мои, ибо я уже начинаю скучать.

...Остаток ночи они провели в дороге, потом остановились в какой-то деревушке, несколько часов отсыпались на сеновале, и, наскоро поев, снова отправились в путь.

Когда до сосновых боров близ Безымянного Хребта оставался день-другой пути, их нагнали уже знакомый по вещему сну Лиусс и какой-то незнакомый юноша – северянин богатырского сложения. Как пояснил по дороге фокусник, это был Орсон, будущий силач труппы; бывший подмастерье кузнеца ухитрился во время работы выстукивать тяжеленным кузнечным молотом медно-звонкие мелодии, чем и приглянулся Лимпэнг-Тангу. Путь они продолжали уже впятером, обсуждая обстоятельства своего призвания и пытаясь строить

планы...

*Трень-и-брень и динь-дилень!
Прочь с дороги, ночи тень!
В ухе – пара колоколец
Благовестят новый день!
Дадли-ди и дидли-да!
Нам и горе – не беда!
Раскрывай глаза пошире —
Мы – артисты хоть куда!
Динь-дилень и трень-и-брень!
Как скучать-то вам не лень?!
Ну-ка, жизнь, давай вприпрыжку,
Наизнанку, набекрень!
Дидли-да и дадли-ди!
Сердце – мячиком в груди!
Мы за радостью поедем
Хоть по Млечному Пути!
Динь-ди-да и трилли-ли!
Мы на сцене – короли!
В нашей власти – смех и слезы,
Лучшие – нету на земли!
Трень-и-брень и динь-дилень!
Прочь с дороги, ночи тень!
В ухе – пара колоколец
Благовестят новый день!..*

Когда они покидали храм Лимпэнг-Танга, отправляясь в свое первое путешествие, эту песенку, ставшую вскоре их гимном, горланил ее сочинитель – Лорка. Его спутники только диву давались: и когда это он все успевает? За несколько дней, проведенных в храме, он успел подкатить к Рецине и получить от нее изрядную взбучку, переключился на Кριοглу – и был за шкуру вытащен из девушкиной комнаты ее разъяренным братом. После этого ему пригрозили отлучением от труппы, и взяли с него честное благородное слово, что спутниц своих он оставит в покое, отдыхая в их обществе только душой, тело же предоставит в распоряжение поклонниц.

Для легкомысленного бога Лимпэнг-Танг оказался даже чересчур предусмотрителен. Все, что могло понадобиться его артистам на первых порах – будь то посуда или костюмы, одежда или сценический реквизит, сундук с приспособлениями для примитивной иллюзионной магии или провизия – все уже было сложено в две добротные повозки, запряженные парой выносливых коней. Вот чего он не дал своим детям вовсе – так это денег («Не мое дело» – так он выразился о финансах); зато вручил лично Лиуссу здоровенный короб с семейством чистокровных нильгайских глужд: трехметровых змей с шипастыми гребнями, обладающих гипнотическими способностями и ядовитых, отныне они должны были защищать повозки артистов во время вынужденных ночных стоянок, а также охранять театральную кассу и ценное имущество.

Что касается первоначального репертуара, то здесь Лимпэнг-Танг оказался весьма суровым критиком, да оно и понятно – второй возможности произвести первое впечатление у его труппы не будет, поэтому ей предстояло сразу же вцепиться публике в горло мертвой хваткой, дабы не отпускать ее до конца времен. Головокружительные полеты Шонно и Кριοглы на сотворенных для них трапециях капризного бога не впечатлили; акробаты несколько приуныли, пока Шонно не вспомнил о придуманном им почти год назад номере, который отверг распорядитель иремского цирка. Брат и сестра облачились в привезенные с собою костюмы, имитирующие расцветку хищных кошек и словно обливающие тело от головы до пят, с помощью Орсона и Лиусса соорудили простую трапецию с несколькими свободно свисающими веревками и принялись выделывать такое... что скучающе посвистывающий Лимпэнг-Танг вытаращился на них, словно уличный мальчишка, и не поспешил на похвалы. Рецина получила высочайшее одобрение после того, как патрон соизволил скрестить с нею серпы смерти; Лиусс, Лорка и Орсон тоже пришли ко двору. Арколь, как всегда невозмутимый, изобразил для собравшихся «Утро Властителя Шаммаха», заставив их хохотать до колик. И уже поздним вечером, когда на ступенях храма зажглось пламя светильников, согревающее все еще холодную темноту весенней ночи, пришел черед Веноны и Амариллис – одной петь, другой – танцевать. Надо сказать, что поначалу Амариллис, привыкшей к своему Хранителю мелодий, участие певицы показалось лишним, однако спорить с богом она не решилась. И правильно сделала. Потому что низкий, бархатный голос ведуньи трав (каковой была Венона до призвания) сыграл для ее танца роль драгоценной оправы.

Насладившись лицезрением искусства своих избранников, Лимпэнг-Танг отметил каждого из них знаком божественного признания и покровительства – отцепив со своих косичек восемь пар колокольчиков, он продел их артистам в левое ухо. На следующее утро после этой церемонии его храмовая труппа отправилась удивлять мир.

Глава пятая. Подарочек

На привал они остановились уже после полудня, укрывшись от зноя в легком, кружевном перелеске, в стороне от дороги. Лорка распряг лошадей – и верховых, и тягловых – и пустил их попасться на воле; со всех трех повозок (третью приобрели совсем недавно, для Веноны и Лиусса) сняли тенты, чтобы проветрить и просушить постели. Поскольку сегодня служить очагу должны были Шонно с сестрой, артисты, с нетерпением принохиваясь, ждали на обед суртонский плов с курицей и красными сливами; Амариллис помогала Веноне развешивать на перекладинах для тентов пучки собранных ранним утром трав. Вот уже полгода танцовщица терпеливо штудировала толстенный фолиант «Великого флорария», на который она потратила в книжной лавке почти весь свой месячный заработок; Венона же, видя ее искренний интерес и неиссякающее усердие, помогала ей разбирать особо сложные места и даже делилась своими собственными секретами.

– Смотри, Ами, вот эта ромашка никуда не годится, можешь скормить ее жеребчику Лорки.

– Но почему? чем она хуже вот этой?

– Запомни, целебными свойствами обладает только та ромашка, у которой головки цветков в разрезе пустые... видишь? А теперь повтори, что я тебе говорила вчера о способностях этого цветочка.

– М-м-м... ромашка пригодна для полосканий при воспаленном горле и сухом кашле, справляется с желудочными судорогами, отлично изгоняет сыпи и воспаления на коже, устраняет зуд. Ее отваром хорошо умываться девочкам-подросткам, и мыть младенцев. Правильно?

– Правильно. А вот это зверобой... какой хороший! Давай-ка завтра наберем побольше одних цветочков, да сделаем масло, чтобы растирать ваши вывихи и синяки. Нет-нет, не вешай тысячелистник на солнце, иначе он утратит всю силу! Его сушат в тени, а хранят в темноте.

– А используют как?

– Заваривают как чай, делают отвар для ванн. Это отличное противосудорожное средство, может даже остановить выкидыш, поскольку одновременно и расслабляет и укрепляет мышцы.

– А моя бабка называла его молокогон, поила всех молодых в семье... такой-то горечью! – сказал, застенчиво улыбаясь, подошедший поближе Орсон.

– И была совершенно права! Вон ты какой верзила вымахал! – улыбнулась Венона.

– А я тоже такие цветочки видел. Помнится, еще удивился: такие невзрачные, а туда же, в графские покои влезли. Графиня Настаджо их на белом вине настаивала... сама пила, но мне не предлагала, – к разговору присоединился и Лорка.

– Ну еще бы, – и травница смерила его насмешливым взглядом, – тебе ведь не грозила опасность народить графу наследника с волосенками цвета морковки! Кстати, Ами, запомни этот старый арзахельский рецепт: на одну малую бутылку белого вина – две пригоршни цветов тысячелистника, настаивать не менее пяти дней. Пить по утрам, натошак, по маленькой чашечке.

– А сколько времени пить?

– Да сколько будет нужно. После того, как настойка закончится, нужно сделать перерыв на три недели, действие ее в это время сохраняется.

– Понятно. А вот эти букетики куда вешать?

– О, вот с этими букетиками поосторожнее. Давай повесим их в тени, на ветерке... так, а из каких трав мы их сделали?

– Ну... из полыни – запах ни с чем не спутаешь, эти фиолетовые цветочки – это шалфей, это мята – душистая!.. Дудник... и бальзамин.

– Верно. Когда будем проезжать через цветочные луга Каджи, соберем чабрец и майоран, ближе к Эригону постараемся найти истинный розмарин, а в городе купим хизоп, в этих краях он не растет. Собранные травы смешаем, засыпем в большую бутылку и зальем орчатской можжевельниковой водкой.

– Ага, а потом выльем в канаву.

– Не спеши. Настой полмесяца выдерживают в теплом месте, фильтруют и разливают по бутылочкам. И одна маленькая ложечка натошак может прогнать глистов – за один прием!..., лечит все болезни желудка, прекращает гниение пищи в кишечнике, помогает даже при тяжелых отравлениях – в том числе и ядами. Что, стоит постараться?

– Стоит. Глисты на юге – как ревматизм на севере. И как этот настой называется?

– Вода жизни.

В этот момент их незастольный разговор был прерван призывом акробата уделить должное внимание его стряпне; дважды просить не пришлось никого, а вот добавки, как всегда, не хватило. После обеда бросили жребий, кому мыть посуду. Лорка – тоже как всегда – смухлевал, его поймали и отправили на берег недалежней речушки с котлом и мисками искупать вину. Когда же солнечные лучи стали заметно мягче и немного посвежел воздух, артисты вновь тронулись в путь.

Верхом ехали только Лорка и Рецина, остальные устроились в повозках, раскрытых по-прежнему.

Разговор вертелся вокруг предстоящих выступлений в Эригоне и периодически возвращался к событиям в замке Гэлвинов, теперь уже недельной давности. Рецина отпускала рискованные шуточки по поводу панического бегства силача Орсона из замка сразу же после окончания праздника – к бедняге с самого начала праздников приставал некий одайнский вельможа с сомнительной репутацией, одним видом своих напомаженных локонов доводя его до паники... Синеволосая амазонка сначала советовала Орсону в другой раз как следует отхлестать прилипалу вожжами, а потом посадить его голым задом в муравейник, и тут же выражала сомнение, не воспримет ли тот сии действия как новый изысканный способ порочного наслаждения. Орсон только отплевывался.

Лорка, от мытья посуды несколько посмурневший, вступил в разговор не сразу и возможно поэтому его вопрос обратил на себя общее внимание.

– Да, я так и не понял, что это за высокородная сосулька выручила Амариллис? Что, очередной эльфийский поклонник?

– Вроде того, – ответил Арколь.

– Ничего себе... Ах вот оно что... а я-то думал, откуда это ты такая встрепанная вернулась... Я ведь тебя не намного опередил, уж очень занятные у господина барона племяшки оказались. Ну и как он тебе?

– Слушай, ты, рыжая отравка, – и Амариллис повернулась лицом к вопрошавшему – если не отстанешь, я попрошу Рецину, и мы вместе посадим тебя в короб к глуздам. Они с удовольствием послушают про бароновых племяшек.

– Что, неужели все так серьезно? – ничуть не смутившись, спросил Лорка.

Ответа не последовало.

– Так я и думал, – и, ловко увернувшись от нацеленного ему в голову яблока, неутомимый искатель приключений на рыжую голову добавил: – Эй, я рад за тебя, плясунья...

Поздним вечером, почти ночью труппа остановилась на ночлег. За околицей одной из еще одайнских деревень (восточная граница княжества проходила как раз по берегу Каджи, до которого собирались добраться не позднее чем через три дня) оказался большущий фруктовый сад; быстро поладив со сторожем при помощи фляги вина да пары-тройки позвякивающих

металлических кружочков, Лиусс настойчиво посоветовал всем укладываться спать, выпустил из короба соскучившихся глузд и отправился в свой возок.

День был жарким, артисты приустиали и поэтому вскоре все – даже Лорка – мирно почивали. Все, кроме названных брата и сестры.

Арколь сидел на толстой войлочной подстилке, по неискоренимой шаммахитской привычке скрестив ноги и свесив кисти рук с колен, Амариллис устроилась рядом. Они сидели молча, изредка встречаясь взглядами и явно не зная, с чего начать разговор. Первым не выдержал Арколь.

– Помнится, ты как-то сказала, что на правах старшего брата я могу спрашивать тебя о делах сердечных. Кажется, это именно такой случай. Что произошло, Амариллис? Ты не без изящества отвела нам глаза, в красках рассказав о подлости Ливайны – клянусь дланями Вседержителя, при первой же встрече я заставлю ее шлепнуться в самую глубокую и грязную лужу! Поступок лорда Лотломиэль был действительно красив... хоть картину пиши... поэтому никто не удивился тому, что для выражения благодарности тебе понадобилась целая ночь.

– Тогда в чем же дело?

– А вот в чем. Во-первых, в следующий раз предупреждай... хоть как-нибудь. Добро, вслед за тобою в замок отправился Лорка, не миновав все того же мажордома и не забыв послать мне весточку. Иначе я бы решил, что с тобой опять сводят старые счета ревнивые дамы и не стал бы мешать Орсону разнести все великолепие Гэлвинов к растакой-то матери, как он выражается. И тебе бы все испортили, и хозяина бы потревожили. А во-вторых, если я рядом, необязательно пить венонину горчуху, она может спровоцировать сильное кровотечение.

– Ты что, и этому учился?!

– Представь себе, да. Учитель настоял на полном курсе медицины... как всегда, не зря.

– Хорошо, брат Арколь, – немного помолчав, серьезно сказала Амариллис, – твои советы приняты. Это все?

– Нет, не все. Лорка, конечно, болван («Сам ты болван» – подумал про себя младший Бреттиноро, вовсе не думавший спать и наостривший уши с самого начала разговора брата и сестры) и несносный остопоп, греющий уши чужими словами (покрасневший как спелый южный помидор, Лорка высунулся из возка и, сказав, что нечего разводить душещипательные беседы возле пытающихся уснуть сотоварищей, плюхнулся на свое место и накрыл голову подушкой, твердо решив не услышать более ни слова) – но ведь он прав, Амариллис. («Еще бы не прав» – пробурчал себе под нос вольтижер.) Мне показалось, что вы встречались и до выступления.

– Если это можно назвать встречей, то да. Помнишь, в последний день выступлений я уходила на Быстрицу, простирнуть бельешко? Так он как раз тогда возвращался в свои благоденственные леса, собрался переходить речку, а мне... ну, в общем, я чихнула.

– Клянусь каменными клыками Краглы, хотел бы я это видеть! Он принял тебя за леша-чиху?

– Да ну тебя. Он подскользнулся от неожиданности и свалился в воду.

– Постой, попробую догадаться, что было дальше. Ты не упустила возможности повеселиться на его счет и принялась распевать свои глумливые песенки.

– Угадал. Он тогда страшно разозлился, пришил меня стрелой за рукав к иве... идет, весь мокрый, с волос вода ручьями... и так спокойненько сулит мне трепку. Только потом почему-то передумал и полез целоваться. Нахал остроухий.

– Эй, поосторожнее насчет ушей, – и Арколь погрозил сестре кулаком.

– Ну вот. Я сначала, конечно, изумилась – их светлости нас обычно за ровню не держат, а у меня еще и прадедова темная кровь вылезла... – чего это он, с ума сошел, что ли?! От холодной воды в голове помутилось?! А потом... Знаешь, Арколь, пока он меня целовал, я простила жизни все – и свою половинку Свияра, и маму с папой, и братьев... и мерзкий трюм,

и пиратские шупанья, и страх, и боль. Однажды аш-Шудах сказал мне, что судьба не любит быть в долгу и всегда расплачивается, и не скупится.

Помолчав, девушка продолжила:

– Да, потом я удрала, как нашкодивший подросток. Представь, каково мне было увидеть его среди гостей барона, я думала, сбегу куда-нибудь... Ах, Арколь, я хотела бы забыть всю эту историю, будто и не было ничего... («Ишь, чего захотела!..» – уже сквозь сон подумал Лорка) Ну зачем мне все это?! Эльф, да еще из высокородных, лорд Цветущих Сумерек... и я – танцовщица самого Лимпэнг-Танга, ученица Нимы! Да на что он мне сдался?! Вот был бы наследным принцем, тогда я, может, и подумала бы («Вот это правильно. Выше нос, плясунья!» – с последним зевком вылетело из наконец-то уснувшего вольтижера). Все, братец, не хочу я больше говорить об этом. Спать пора, я с Веноной договорилась с утра чабрец пособирать. Все. Было, и прошло.

Амариллис поднялась, потянулась, и направилась к «девчоночьему домику». И уже вслед ей Арколь сказал:

– Хочешь ты этого или нет, сестра моя Амариллис, но теперь тебе придется считаться со своим сердцем, – и уже про себя добавил – и ты наконец-то начнешь взрослеть.

Как и ожидалось, спустя три неполных дня дети Лимпэнг-Танга добрались до Каджи; здесь, на равнинах Одайна она заметно отличалась от той бесноватой реки, какую помнила Амариллис – порастратив по пути свой пыл, она разливалась широко и лениво, принимая в свое лоно воды множества ручьев и речушек вроде Быстрицы. Паромные переправы и почти все судоходство на Кадже принадлежали цвергам, не зря же исток реки находился чуть ли не посредине Тархины – их столицы, великолепного скального града.

День уже начинал клониться к вечеру, но Лиусс предпочел немного переплатить пожилому седуусому цвергу, распорядившемуся на пароме, и заночевать уже по ту сторону одайнских земель, на каком-нибудь приличном постоялом дворе, а буде такой не встретится, остаться на ночь под открытым небом и под надежной защитой глузд. Лучше уж так, шепнула ему его жена, чем провести остаток дня, тупо созерцая вальяжное течение Каджи, ночевать возле паромной пристани, и видеть, как тускнеют глаза Амариллис, и заранее готовить ей снотворное, и окуривать «девчоночий домик» черным шиповником, отгоняющим кошмары...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.